

Российская академия предпринимательства

Дмитрий Тулин

СИЛА ДЕНЕГ

**ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМ
ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ,
КРЕДИТА И БАНКОВСКОГО ДЕЛА**

**Москва
2012**

УДК 336
336.71
336.74
ББК 65.05
Т 82

Т 82 Тулин, Д.
Сила денег. Очерки по вопросам денежного обращения, кредита и банковского дела. Российская академия предпринимательства, АП «Наука и образование», М.: 2012. – 88 с.

ISBN 978-5-903893-41-6

Цель данной брошюры – критически проанализировать некоторые популярные представления о том, как должно быть организовано денежное обращение и банковское дело в основанной на рыночных принципах экономике. Будучи абсолютно доступными и даже занимательными по форме, эти очерки заставляют задуматься об альтернативах господствующей ныне в большинстве стран мира денежной и банковской политике. Это не учебное пособие о том, как лучше зарабатывать деньги в банках, а чтение для людей, задумывающихся о смысле.

УДК 336
336.71
336.74
ББК 65.05

ISBN 978-5-903893-41-6

© Тулин Д., 2012

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Часть I. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ	10
Часть II. ОГРАНИЧЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ	38
Часть III. ПОИСК ВОЗМОЖНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ	70
ПОСЛЕСЛОВИЕ	87

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой брошюры более 30 лет связан с банковским делом, а в профессию попал совершенно случайно, из-за юношеского любопытства. В мои школьные годы, которые пришлось на 60-е и начало 70-х годов XX века, в учебниках истории часто приводились примеры, как в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на добровольные денежные пожертвования советских людей строились танки и самолеты. А еще во время войны и в послевоенные годы шла массовая подписка на государственные облигационные денежные займы. Люди покупали государственные облигации, и им говорили, что собранные деньги идут на производство вооружений или на восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Почему-то эти примеры из школьного курса истории всерьез меня озадачивали. Я искренне не понимал, каким образом из советских денежных знаков (бумага и есть бумага!) можно построить грозную военную технику или, например, мирную доменную печь. Зачем для этого вообще нужны деньги? А взять хоть бы и не советские рубли, а американские доллары или золотые слитки? Как они-то могут превратиться в материальные вещи, совершенно не похожие на деньги? Учителя на мои вопросы толком ответить не могли, а предпочитали удивляться: «Странные ты вопросы задаешь, как они тебе только в голову приходят!». Я догадывался, что школьные учителя, как и я, не знают, как на деньги можно построить самолет, но стесняются в этом признаться. Вот я и пошел в 1973 году учиться в экономический вуз, да еще с финансовым уклоном — в те времена, когда эта специальность в нашей стране была, мягко говоря, непрестижной и отнюдь не выгодной. Хотелось найти ответ на проклятый вопрос, который буквально не давал мне покоя.

Если бы я знал тогда, что чем дальше погружаешься в изучение природы денег, тем больше появляется вопросов! К слову, загадку про превращение денег в танки и самолеты мне удалось разгадать уже после окончания института, и ответ оказался очень простым. На деньги невозможно в буквальном смысле слова построить танки и самолеты — нигде и никогда. Но в мирное время и в условиях рыночной экономики наличие у предприятий-изготовителей денег является необходимым условием для производства военной техники. В условиях серьезной войны даже в капиталистических странах экономика переводится на военные рельсы, становится мобилизационной, и роль денег в производстве сильно ослабевает. А что уж говорить о советской плановой экономике сталинских времен, да еще в годы страшной, тотальной войны на выживание! Советская экономика производила в военные годы столько танков,

самолетов и боеприпасов, сколько позволяли её материальные и людские ресурсы. И эти ресурсы выделялись и направлялись на производство командно-волевым способом, по жесткому государственному плану. Рабочие на заводах получали необходимые для жизни потребительские продукты в основном нормированным путем — по карточкам, а не покупали на деньги.

Правда, существовал и «свободный» потребительский рынок, где можно было купить что-то и за деньги. Он был представлен государственными «коммерческими» магазинами и ресторанами, организованными и неорганизованными «колхозными», «серыми» и «черными» рынками, базарами и толкучками. Роль этого свободного рынка в обеспечении людей всем необходимым была ограничена, но всё же эта была отдушина — особенно для семей солдат и офицеров, которые регулярно получали переводы из денежного довольствия своих кормильцев, ушедших на войну. Вот для того, чтобы цены на этом свободном рынке не росли в быстрой прогрессии и дети военнослужащих могли хотя бы немного подкормиться в это скудное, тяжелое время, власти и поощряли сбор денег у населения. Из-за того, что люди сдавали личные накопления в фонд обороны, танков и самолетов страна в буквальном смысле больше не производила. Зато платежеспособный спрос на свободном рынке в результате ограничивался, цены росли не так быстро, и на деньги — у кого они были — можно было хоть что-то купить.

Людам же, жертвующим деньги в фонд обороны, объясняли, что на их личные сбережения строят танки и самолеты. Это было неправдой, или не совсем правдой. Себестоимость производства военной техники действительно калькулировалась для целей учета и контроля, хотя и в достаточно произвольных, устанавливаемых государством ценах. Поэтому если денежная сумма, собранная людьми, достигала государственной цены производства танка, то людям и объявляли, что на их деньги построен танк, да еще показывали для наглядности какой-нибудь конкретный экземпляр, украшая его соответствующей памятной надписью (например, «тамбовский колхозник»). Чтобы люди гордились своей щедростью и своим патриотизмом и несли деньги в фонд обороны. На самом же деле в условиях экономики военного времени танки производились сами по себе — без всякой зависимости от процесса изъятия «излишков» денег у населения. Напрасна ли была жертва этих людей? Отнюдь нет. Они вносили свой вклад в борьбу с инфляцией, с обесценением денег, которая ухудшает условия жизни людей и в труде и в бою, подрывая мотивации и боевой дух. Как бы воевали мужчины на фронте, если бы их денежные переводы домой тут же превращались в пустые бумажки из-за инфляции или тотального дефицита? Поэтому

власти хотя и лукавили в своей пропаганде, поощряя сдачу денег в фонд обороны, но по существу проводили единственно верную политику. И мы должны с благодарностью помнить о людях, которые сдавали деньги в фонд обороны — они тем самым фактически подкармливали голодных детей (косвенно, через механизм ограничения роста свободных рыночных цен) и вселяли в сердца воинов, смотрящих в лицо смерти, надежду на благополучие оставленных ими в тылу семей.

В студенческие годы меня не оставляло ощущение, что учат нас достаточно поверхностно, не приглашают заглянуть в суть явлений. А затем, уже на работе я столкнулся с вопиющими противоречиями между теорией и реальной жизнью. В институте мы дружно критиковали «буржуазные» теории денег и валютного курса — например, концепцию паритета покупательной способности валют Густава Касселя. А на работе в Государственном банке СССР я узнал, что при установлении официального курса рубля к иностранным валютам в Советском Союзе, начиная с 1950 года, применялся именно принцип паритета покупательной способности. И что оспаривать эту концепцию — так же нелепо, как отрицать существование биннома Ньютона. И вовсе эта теория не буржуазная, то есть не классовая и не идеологическая, а универсальная, не противоречащая, кстати, теории денег Карла Маркса, если смотреть на вещи не по форме, а по существу. Как такие противоречия могли уживаться в головах советских людей, отвечающих за проведение экономической политики? Когда на научных и партийных конференциях они говорили одно, а в жизни делали совсем другое? Уживались эти противоречия с трудом, и с тяжелыми последствиями в виде постепенной деформации, расщепления нашего сознания, деградации научной школы и институтов государственного управления.

Беда была в том, что в советское время развитию экономической мысли мешал догматизм идеологических властей, которые в попытках творческого осмысления действительности и развития экономической теории видели угрозу ревизии учения Маркса. Тем самым советские идеологи-схоласты сами вступали в противоречие с квинтэссенцией марксизма — с его диалектическим подходом к познанию мира, отвергающим всякие догмы. Ведь критерием истины, согласно такому подходу, является практика. Еще несколько десятилетий после прихода в 1917 году к власти коммунистической партии руководители страны были окружены специалистами по экономике и финансам с дореволюционным образованием, а сами руководители отличались завидным прагматизмом. Поэтому относительно долгое время денежная и финансовая политика страны была вполне адекватна политическим и социально-экономическим целям, устанавливаемым политическим руководством. Мы не бе-

ремся здесь оправдывать или осуждать сами политические цели и принципы их претворения в жизнь, то есть парадигму развития нашей страны в советскую эпоху. Но в государственном управлении должна быть внутренняя логика, соответствие между целями и средствами, совместимость целей и внутренняя сочетаемость средств — и с этой точки зрения в сталинскую эпоху и по инерции несколько позже (по-видимому, вплоть до конца 1960-х гг.) финансовая политика нашей страны отличалась внутренней логикой. А затем постепенно стала нарастать разбалансированность государственных финансов и денежного обращения, которая с середины 1980-х годов резко усилилась и в немалой степени способствовала краху Советского Союза.

Удивительным образом ситуация с диктатом идеологии в экономической науке повторяется и в наши дни. С начала 90-х годов XX века в нашей стране любой специалист, хотя бы частично не согласный с господствующей у нас доктриной экономического неолиберализма или её отдельными постулатами, становится маргиналом и изгоем в экспертных кругах, определяющих экономическую политику властей. Известный ленинский постулат «учение Маркса всеильно, потому что оно верно» полностью воспроизводится, лишь с заменой Маркса на Хайека, Фридмана или иного авторитета либеральной школы. Конкретные меры экономической политики разрабатываются и принимаются, исходя не из соображений прагматизма, оценки их последствий и сравнения с возможными альтернативными решениями, а из-за фанатичной, иррациональной веры в априорную правильность и непогрешимость одного из многочисленных экономических учений. Неолиберализм стал господствующим принципом политики экономически развитых стран на Западе лишь с 1980-х годов, а большинство успешно развивающихся «догоняющих» экономик (по большинству критериев более успешных, чем Россия), например в Азии, его до сих пор не придерживаются, по крайней мере в чистом, классическом виде. Начавшийся в 2008—2009 гг. мировой долговой и финансовый кризис продемонстрировал глубокие системные недостатки, изъяны в современных подходах к государственному регулированию экономики на Западе. Но окружающие правительство официальные эксперты продолжают с упорством держаться за догмы.

Люди, получившие образование и вступившие в профессию в 1990-е годы и позднее, воспринимают современную банковскую систему и действующий механизм её государственного регулирования как естественный, единственно возможный порядок вещей. Так их учили в вузах, потому что образование неизбежно сводилось к овладению навыками выживания и преуспевания в сложившейся конкретной среде

обитания. А среда эта окончательно сложилась на Западе в своем нынешнем виде как раз к началу 1990-х годов, а затем была перенесена на российскую почву с началом в нашей стране рыночных реформ. Знакомство с курсом экономической истории (в том числе истории денежного обращения и кредитно-банковского дела) и истории экономических учений обычно проходит само по себе, в отрыве от анализа проблем современности. Дескать, что было, то прошло, а сейчас нужно жить сегодняшним днем. В суете каждодневных дел и забот зачастую нет времени задуматься о смысле нашей профессиональной деятельности. Вместо этого мы читаем специальную, узкопрофессиональную литературу и рассуждаем, например, о том, каким образом и в какие сроки нам лучше вводить международные нормы регулирования банковской деятельности, известные как «Базель 1», «Базель 2» и «Базель 3», настраиваем и видоизменяем обязательные нормативы для коммерческих банков, вводим для них новые правила и процедуры. Государственное банковское регулирование становится всё более изощренным и технически сложным, а неустойчивость, нестабильность мировой банковской системы всё нарастает и усиливается. На ликвидацию последствий банковских крахов расходуются огромные ресурсы. А что если правящие элиты под давлением и в интересах различных групп влияния установили такие фундаментальные правила игры для банков и других финансовых посредников, в рамках которых достижение финансовой стабильности банковской системы становится вообще невозможным? Существуют же в логике и в математике задачи, не имеющие решения! А значит, если не изменить сущностные принципы деятельности банков как финансовых посредников, общество (граждане, подданные, налогоплательщики, обыватели) обречено на то, чтобы регулярно расплачиваться за убытки банков. Недовольство общества политикой банков и политикой государства в отношении банков, в частности, ярко проявилось с началом мирового финансового кризиса в 2008-2009 годы и вылилось даже в такие экстремистские формы массовых уличных протестов, как движение «Захвати Уолл-Стрит».

Наша цель заключается в критическом анализе некоторых популярных представлений о том, как должно быть организовано денежное обращение и банковское дело в экономике, признающей частную собственность и свободу предпринимательства — то есть основанной на рыночных принципах. В советскую эпоху отечественные специалисты слишком долго были изолированы от ведущих мировых школ экономической мысли идеологическими барьерами. Когда же эти барьеры были разрушены, мы принялись почти механически копировать сложившуюся

ся к началу 1990-х гг. на Западе модель либеральной денежной экономики, принимая ее как единственно возможную — без критического осмысления этой модели и рассмотрения альтернативных решений, в том числе подсказываемых тем же мировым опытом. Автор и сам долгое время поддавался всеобщему порыву механического заимствования чужого опыта, причем опыта не испытанного веками и десятилетиями, а текущего, сиюминутного. Правда, мне не довелось занимать таких высоких административных постов, чтобы быть в числе законодателей моды. Политические решения спускались сверху, а мы, технократы, занимались их практической реализацией, на уровне подготовки и принятия нормативных актов и служебных инструкций. Долгие годы ушли на переосмысление происходящего — результатами своего прозрения автор посчитал необходимым поделиться с читателями.

Эта работа не выдержана в строгих академических традициях, хотя и рассчитана на достаточно подготовленного читателя, знакомого с основами денежной теории и банковского дела или изучающего эти дисциплины. С одной стороны, мне было бы трудно написать академический труд, будучи оторванным от академической среды и ее традиций. С другой стороны, хотелось подготовить материал, насколько это возможно для такой темы, доступный, не утомительный и даже занимательный для чтения. Вот и получилась не книга, не монография, а совсем небольшая брошюра, или, скорее, очерки по избранным вопросам прикладной теории и практики денежного обращения, кредита и банковского дела. Недостаток академизма выразился, в частности, в малом количестве ссылок на источники. Мы включили в библиографию не все труды по выбранной теме исследования, которые могли бы рекомендовать читателю, а лишь их малую часть, которая непосредственно спровоцировала автора взяться за перо. Автор будет считать свою миссию выполненной, если эти очерки заставят читателя задуматься об альтернативах господствующей ныне в большинстве стран мира денежной и банковской политике. Мы не будем пропагандировать эти альтернативные решения и настаивать на их преимуществах, но покажем, что эти решения существуют и что они достойны серьезного профессионального изучения. Наши очерки — не учебное пособие о том, как лучше зарабатывать деньги, работая в банках, а чтение для людей, задумывающихся о смыслах.

Автор благодарен Андрею Владимировичу Верникову, профессору Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» за полезные советы и помощь в технической редакции рукописи при ее подготовке к публикации в формате интернет-издания.

Часть I. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

*«Всё на свете объективно, оттого и жить противно»
(студенческая шутливая поговорка, иллюстрирующая
смысл теории исторического материализма)*

Чтобы понять, как и почему возникла современная денежная и кредитно-банковская система, необходимо оглянуться назад, в прошлое. Нужно вспомнить логику появления денег, кредита, зарождения и развития банковского дела. Нельзя обойти вниманием и развитие экономической мысли, эволюцию идей и представлений человека о природе денег и кредита. Автор не хочет углубляться в тематику учебного курса денежной теории или истории экономических учений — поэтому наш анализ будет очень беглым, неполным, даже поверхностным. Но мы всё же пройдемся по этой теме хотя бы «галопом по Европам», потому что без исторического, ретроспективного взгляда на проблему обойтись просто невозможно. Заранее приношу свои извинения перед читателями за столь свободное, неакадемическое отношение к теме. Понимаю, что требовательный читатель может быть разочарован легковесностью суждений, а менее искушенный — обескуражен ссылками на незнакомые ему понятия и отсутствием подробных пояснений. Впрочем, последняя проблема при современном развитии информационных технологий решается просто — достаточно зайти в любую поисковую систему интернета и взять справку по интересующей нас тематике.

От натурального обмена к деньгам, зарождение банков и «бумажных денег»

Итак, начнем с самого начала. Исторически, деньги возникли и длительное время существовали в виде товаров, то есть предназначенных для обмена продуктов человеческого труда, обладавших полезными для людей потребительскими свойствами — зерно, скот, меха, драгоценные металлы. В условиях разделения труда (например, между сельскими жителями-крестьянами и горожанами-ремесленниками, между земледельцами и скотоводами, между представителями различных ремесел и т.д.) люди должны обмениваться плодами своего труда, чтобы жить. Натуральный обмен, или бартер (мясо на муку, гончарные изделия на ткани и т.д.) весьма неудобен по практическим соображениям. Например, по причине несовпадения интересов, потребностей и желаний обменивающихся сторон в конкретном месте и в конкретное время. Скажем, не нужны кузнецу сегодня мука, холсты или горшки, а понадобится все это завтра или послезавтра, а продать (обменять) свои кованые изделия куз-

нец хочет уже сегодня. Как же ему поступить? Вот если бы можно было кузнецу обменять свои изделия уже сегодня на такой товар, который охотно приняли бы к обмену все остальные участники рынка в любое время в обозримом будущем! И участники рынка стихийно, в силу обычаев делового оборота договаривались о придании одному из товаров роли всеобщего товара-эквивалента (термин Карла Маркса), который становился признаваемым всеми платежным средством, выполняющим функции меры стоимости, средства обращения и средства накопления при товарном обмене. Такой товар и становился деньгами.

Товар, становившийся деньгами (денежный товар), обладал двойной сущностью — он был и деньгами, и одновременно продуктом труда с собственными потребительскими свойствами. Потому и использовать такой товар можно было по двойному назначению. С одной стороны, люди часто забывали о собственных потребительских свойствах денежного товара. Они меняли продукты труда на зерно не потому, чтобы тут же помолоть зерно на муку, выпечь хлеб и наестся, а впрок, чтобы впоследствии обменять полученное зерно на что-нибудь другое. Или приобретали меха не с целью укрыться от холода, а опять-таки для накопления средств обмена. Равным образом, тяга людей к золоту была вызвана не только их страстью к ювелирным украшениям, но и исключительным удобством этого металла для выполнения денежных функций из-за присущих ему естественных свойств (редкость, однородность, долговечность, делимость и т.д.). С другой стороны, денежный товар можно было использовать не только для обмена и накопления (в качестве денег), но и, так сказать, по прямому назначению. Например, зерно можно было использовать в пищу, а мехами укрыться от холода. Полезность золота, на первый взгляд не столь очевидна и приоритетна для человека. И действительно, во время бедствий, например, голода цена (обменный курс) золота падает, и его порой за бесценок меняют на хлеб (вспомним, как это происходило в трагические годы ленинградской блокады во время Великой Отечественной войны). И всё же в обычные, относительно благополучные времена золото активно использовалось и «по прямому назначению» — для изготовления ювелирных украшений, протезирования зубов и пр. В конце концов, за неистребимой тягой людей к ювелирным украшениям стоит такой сильнейший для человечества стимул, как инстинкт продолжения рода (старая как мир история — женщины хотят обратить на себя внимание мужчин, надевая украшения, а мужчины стремятся завоевать расположение женщин, одаривая их этими украшениями).

А как же современные деньги, к которым мы так привыкли? Все эти бумажные банкноты и деньги в виде электронных записей на банковских счетах, которые мы используем с помощью банковских плас-

тиковых карт, платежных поручений (можно даже через интернет или по телефону), чеков и иных платежных инструментов? Существует ли что-то общее между прежними, золотыми и серебряными («реальными», «товарными») деньгами и нынешними («бумажными», «электронными») деньгами? Объединяет прежние (металлические) и современные (бумажные и электронные) деньги то, что и те и другие выполняют классические денежные функции: меры стоимости, средства обращения и средства накопления. Но есть между этими видами денег и существенное различие. «Реальные» деньги были не только средством для обмена товаров и услуг, но и сами являлись продуктами человеческого труда, обладающими полезными потребительскими свойствами. Современные (бумажные и электронные) деньги самостоятельными потребительскими свойствами не обладают (их нельзя, например, употребить в пищу, использовать в качестве одежды или украшений). С юридической, правовой точки зрения, современные деньги — это долговые обязательства банков (центрального банка и коммерческих, депозитных банков) или, реже, долговые обязательства государства (в тех странах, где сохранилась практика выпуска государственных казначейских билетов наряду с банкнотами центральных банков). Для того чтобы участники рынка согласились принимать в оплату товаров и услуг банковские долговые расписки, причем без всякого обязательства со стороны банков оплачивать свои долги золотом или другими реальными, материальными ценностями, потребовалась достаточно длительная эволюция банковского, кредитного и эмиссионного дела. Рассмотрим кратко, как и почему это происходило.

Главную, исключительную роль в создании современных денег сыграли банки. Вообще-то операции, по сути напоминающие банковские в нашем нынешнем понимании, выполнялись еще и в древние времена, и в Средневековье. Но началом развития современного банковского дела принято считать эпоху Нового времени в Западной Европе. Банки, с одной стороны, принимали от клиентов золото (или серебро) на хранение (на счета и во вклады, то есть депозиты), а с другой стороны, выдавали клиентам денежные ссуды (кредиты) под проценты с условием возврата суммы основного долга и выплаты процентов в установленный срок. Оказалось, что проведение одним предприятием, каковым является банк, одновременно депозитных и кредитных операций, может привести к удивительным последствиям для развития денежного обращения. Деятельность банков постепенно изменила саму природу денег. Из особого товара (например, золота или серебра), признаваемого рынком в качестве платежного средства, деньги

превратились в долговые обязательства. Этот процесс происходил стихийно, под влиянием потребностей экономической жизни и стремления банков извлекать из своей деятельности максимальную коммерческую выгоду (прибыль, финансовый результат). Государства реагировали на появление новых тенденций в денежном и кредитном обороте, как правило, не в упреждающем, а в последующем порядке, приспособившись к меняющимся обстоятельствам.

Исторически банки выросли в основном из купеческих контор и из ювелирных мастерских, а в древности и в Средние века в роли банкиров могли выступать религиозные храмы или религиозные рыцарские ордена (например, орден Тамплиеров). Состоятельные люди отдавали принадлежащее им золото на хранение в наиболее безопасные и заслуживающие доверия места, получая взамен долговые расписки. Эта операция аналогична современным операциям банковского вклада или ведения банковского счета. Только процентов вкладчики в те времена, как правило, не получали из-за существовавших на протяжении многих столетий религиозных и этических запретов на ростовщичество (не только в исламских, но и в христианских странах). Вначале главный для вкладчиков смысл сотрудничества с банком заключался в обеспечении сохранности, безопасности их денег. Но затем выяснилось, что банки могут оказать своим клиентам-вкладчикам весьма удобные услуги по расчетам друг с другом за поставки товаров и услуг. Зачем купцу Джованни (пусть в нашем примере действие происходит где-нибудь на территории современной Италии) всякий раз извлекать из банка свое золото, чтобы расплатиться с купцом Адриано, если они оба имеют счет (вклад) в одном банке или в разных банках, поддерживающих между собой деловые (корреспондентские) отношения? Намного проще и удобнее использовать для этих целей долговые расписки банка или иные банковские бумажные документы (векселя, аккредитивы, чеки и т.д.). Например, Джованни передает Адриано письменный документ, который является приказом в адрес банка заплатить Адриано золотом означенную сумму. Причем Адриано может даже не получить причитающееся ему золото на руки, а оставить его в банке. В этом случае банк просто делает изменения в реестре своих долговых записей: долг банка перед Джованни по хранению его денег на банковском вкладе уменьшится на некоторую сумму, а его долг по вкладу перед Адриано увеличится на ту же сумму. Иными словами, банк произведет безналичные (без физического перемещения золота) расчеты между двумя своими клиентами. Вот так это будет выглядеть в книгах бухгалтерского учета банка:

Таблица 1

Бухгалтерский баланс банка перед расчетной операцией ¹

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от клиентов на хранение	1000	Деньги на счете (во вкладе) Джованни	500
		Деньги на счете (во вкладе) Адриано	500
Итого:	1000	Итого:	1000

Далее Джованни платит Адриано в безналичном порядке через банк 200 условных денежных единиц за приобретенные товары.

Таблица 2

Бухгалтерский баланс банка после проведения расчетной операции

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от клиентов на хранение	1000	Деньги на счете (во вкладе) Джованни	300
		Деньги на счете (во вкладе) Адриано	700
Итого:	1000	Итого:	1000

В нашем примере безналичные расчеты через банк становятся для купцов особенно востребованными, если, например, Джованни живет где-нибудь в Ломбардии, а Адриано за много верст от него, в Тоскане. Перевозка таких реальных ценностей, как золото, на большие расстояния и сейчас небезопасна, а уж во времена зарождения банковского дела — тем более. Если банк из нашего примера имел отделения в обеих провинциях, и оба купца имели счета (вклады) в одном и том же банке, то физическое перемещение золота вообще не производилось. Если же Джованни и Адриано обслуживались в разных, но сотрудничающих между собой банках, то Джованни мог расплатиться с Адриано за покупку товаров долговой распиской (обязательством) своего банка (назовем его условно «банк Джованни» в Ломбардии). Адриано передавал эту расписку уже в свой банк («банк Адриано» в Тоскане) на инкассацию, то есть для получения денег. Адриано мог, конечно, получить золото из банка и на руки, но мог довольствоваться и получением долговой расписки своего банка в том, что его счет в банке пополнился. Затем банки урегулировали отношения между собой: банк Джованни перевозил золото на сумму расчетной сделки в банк Адриано (перевозка из Ломбардии в Тоскану). Таким образом, банки брали на себя хлопоты и

¹ Здесь и далее по тексту все бухгалтерские балансы приведены в условных единицах измерения.

риски по перевозке денег (золота) на себя, освобождая от этих забот своих клиентов. Посмотрим, как в бухгалтерском учете банков отражается безналичный платеж Джованни в пользу Адриано на сумму 200 денежных единиц, если наши купцы имели счета в разных банках.

Таблица 3

Бухгалтерский баланс банка Джованни перед расчетной операцией

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от Джованни на хранение	500	Деньги на счете (во вкладе) Джованни	500
Итого:	500	Итого:	500

Таблица 4

Бухгалтерский баланс банка Адриано перед расчетной операцией

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от Адриано на хранение	500	Деньги на счете (во вкладе) Адриано	500
Итого:	500	Итого:	500

Ситуация 1

Адриано отдает платежный документ, полученный от Джованни (долговую расписку банка Джованни), в свой банк и тот зачисляет ему на счет означенную в документе сумму путём совершения соответствующей записи в книгах учета. Физически Адриано золото на сумму 200 денежных единиц в свой банк не принес, прибытие этого золота из банка Джованни еще только ожидается. Это означает, что банк Адриано открыл (предоставил) кредит банку Джованни, и этот кредит будет погашен (оплачен), когда золото будет по межбанковским каналам переправлено из одного банка в другой. А в то время в банке Джованни пока не знают, что их клиент использовал долговую расписку банка, чтобы расплатиться по торговой сделке. Пока банк Джованни остается в неведении относительно этой сделки, его долг перед Джованни (деньги на счете клиента) числится в полном объеме 500 единиц.

Таблица 5

Бухгалтерский баланс банка Джованни сразу после расчетной операции

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от Джованни на хранение	500	Деньги на счете (во вкладе) Джованни	500
Итого:	500	Итого:	500

Таблица 6

Бухгалтерский баланс банка Адриано сразу после расчетной операции

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от Адриано на хранение	500	Деньги на счете (во вкладе) Адриано	700
Кредитные требования к банку Джованни	200		
Итого:	700	Итого:	700

Ситуация 2

И вот что получается, когда банки урегулируют между собой долги путем поставки золота:

Таблица 7

Бухгалтерский баланс банка Джованни уплаты долга банку Адриано

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от Джованни на хранение	300	Деньги на счете (во вкладе) Джованни	300
Итого:	300	Итого:	300

Таблица 8

Бухгалтерский баланс банка Адриано после погашения долга банка Джованни

Активы		Пассивы	
Деньги (золото), полученные от Адриано на хранение	700	Деньги на счете (во вкладе) Адриано	700
Итого:	700	Итого:	700

Мы и впредь для иллюстрации сути банковских операций будем прибегать к условным примерам с бухгалтерскими записями (проводками по бухучету). Потому что бухгалтерский учет дисциплинирует мышление и дает ключ к пониманию экономической природы совершаемых сделок. Из рассмотренного примера расчетной банковской операции между банком Джованни и банком Адриано следует один очень важный вывод. Как только банки начинают заниматься кредитованием (на определенном этапе банк Адриано кредитовал банк Джованни), возникают предпосылки для возникновения банковских клиентских вкладов, не полностью обеспеченных золотом. Например, после продажи Адриано товара на его счете в банке числилось золота на 700 единиц, а реально банк Адриано владел золотом на сумму 500 единиц (см. бухгалтерский баланс банка Адриано в Таблице 6). В рассмотренном примере расчетов по торговой сделке между Джованни и

Адриано банк продавца товаров предоставил кредит банку покупателю, хотя мог бы этого и не делать. Если банки не открывают кредиты друг другу при проведении торговых расчетов между своими клиентами, то банк Адриано в том же примере мог бы принять от Адриано долговую расписку банка Джованни на инкассацию без предварительного зачисления денег на счет Адриано. При таком подходе банк зачислит на счет Адриано деньги только тогда, когда сам получит золото из банка Джованни, и появления вкладов, не обеспеченных золотом, в этом случае не произойдет.

Банки (ювелиры, купцы, менялы, на базе контор которых развивались банки) постепенно стали заниматься не только приемом денег (золота) на хранение (на счета и во вклады) от своих клиентов и осуществлением расчетов между этими клиентами путем совершения записей на счетах. Реагируя на потребности рынка и стремясь извлечь из своей деятельности максимальную прибыль, банки занялись кредитованием своих клиентов. Необходимо отметить, что ведущие мировые религии в течение многих веков накладывали серьезные ограничения и прямые запреты на дачу денег в рост, то есть под проценты. Морально-этическая, философская и рациональная сторона таких ограничений заслуживает отдельного рассмотрения, выходящего за рамки нашего труда. Отметим лишь, что указанные ограничения и запреты, хотя зачастую и обходились участниками коммерческого оборота с помощью различных юридических и технических ухищрений, но всё же всеерьез тормозили развитие банковского кредитования, делая его особой (цеховой, кастовой) нишей на рынке. Так, вплоть до расцвета протестантизма в Европе, когда протестантские купеческие семьи всеерьез занялись банковским делом (вторая половина XVIII века), в сфере предоставления денег в долг под проценты доминирующее положение занимали банкиры иудейского вероисповедания. Потому что их религия, запрещая давать деньги под проценты единоверцам, разрешала делать это в отношении людей любой другой веры.

Первоначально банкиры выдавали денежные ссуды (с поставкой заемщику в долг «реальных денег», то есть золота или серебра) из собственного капитала, а вклады клиентов для выдачи кредитов не использовались. В предыдущем условном примере с расчетами по торговой сделке между двумя купцами, мы для упрощения абстрагировались от того факта, что банкиры обладали собственным капиталом. А сейчас, при рассмотрении последствий банковского кредитования на денежное обращение, нам уже будет необходимо учесть наличие собственного капитала у банков. Итак, бухгалтерский баланс банка (ссудной конторы – прообраза современного банка), который вообще не при-

влекал золото во вклады, но выдавал его в кредит, выглядел следующим образом:

Активы	Пассивы
Золотой запас Выданные кредиты	Собственные средства

Поскольку, исходя из логики бухгалтерского учета, сумма активов всегда равна сумме пассивов, то для такого банка всегда соблюдалось тождество:

$$\text{Золотой запас} + \text{Выданные кредиты} = \text{Собственные средства}$$

А вот когда банки стали одновременно заниматься двумя видами деятельности (осуществлять две функции) – принимать золото во вклады и выдавать его в долг под проценты (кредитование с физической передачей золота заемщику), то бухгалтерский баланс таких банков стал выглядеть несколько сложнее:

Активы	Пассивы
Золотой запас Выданные кредиты	Задолженность по вкладам Собственные средства

И вот здесь уже возникают условия для того, чтобы выпущенные банками взамен принятых вкладов долговые обязательства (расписки), стали не полностью обеспеченными золотом. До тех пор, пока банки просто хранят у себя принятые во вклады «реальные деньги» и не выдают их в кредит третьим лицам, долговые обязательства банков («бумажные деньги») полностью обеспечены золотым запасом банков. Но как только банки стали использовать для выдачи ссуд золото вкладчиков, выпущенные банками в обращение «бумажные деньги» уже не обеспечивались полностью золотым запасом банков.

Вот как выглядят условия полного обеспечения долговых обязательств банка «реальными деньгами»: *золотой запас > задолженности по вкладам (Условие 1)*.

Поскольку соблюдается тождество: золотой запас + выданные кредиты = задолженность по вкладам + собственные средства (активы банка равны пассивам), то из этого тождества и Условия 1 можно вывести еще одну логическую взаимосвязь при соблюдении полного обеспечения обязательств банка «реальными деньгами»: *выданные кредиты < собственных средств (Условие 2, производное от Условия 1)*.

На практике, жажда наживы толкала банкиров к тому, чтобы использовать привлеченное от вкладчиков золото для выдачи денежных ссуд. К тому же, с юридической и с бухгалтерской точки зрения, банк как бы перемешивает у себя в активах собственное золото с золотом

вкладчиков и не делает между ними различий при управлении этими деньгами. Весь золотой запас становится имуществом банка, которым он распоряжается от своего имени, признавая перед вкладчиками долг в сумме принятых вкладов. Судить о том, «воспользовался ли банк деньгами вкладчиков для кредитования», можно лишь путем сравнения фактических цифр из его финансовой отчетности на предмет соблюдения вышеуказанных количественных условий.

Однако кредитная функция банков сводилась не только к выдаче кредитов «золотом», то есть к поставке золота заемщикам. Начиная с XIX века (в связи с бурным ростом внутренней и международной торговли после завершения эпохи Великих географических открытий и началом Промышленной революции), банки активно занялись кредитованием торговли и производства не путем передачи заемщикам золотых или серебряных денег, а с помощью выпуска собственных долговых обязательств. Другими словами, при выдаче кредита банки стали выдавать на руки клиентов не золото, а банкноты, или делать соответствующие бухгалтерские записи в книгах учета в увеличение банковского долга перед клиентами.

Вернемся к условному примеру с теми же двумя купцами Джованни и Адриано (пусть это будут потомки наших старых знакомых, проживающие в тех же местах, но несколько столетий спустя). Допустим, Адриано очень хочет продать Джованни партию товаров стоимостью 200 условных денежных единиц, а у Джованни, нет свободных денег (золота) ни на руках (в кошельке, в подвале, под матрасом), ни на счете в банке. Адриано в принципе готов продавать товар в долг, в счет предоставления своему давнему деловому партнеру коммерческого (хозяйственного) кредита. Но слишком сильно наращивать свой коммерческий кредит Адриано не готов — ведь он не сможет использовать долговые расписки (векселя) давнего друга Джованни, чтобы расплатиться с собственными поставщиками — Гвидо, Карло, Джузеппе и другими. Его поставщики не слишком хорошо знают Джованни и не сильно доверяют ему. А вот векселя банка, который известен во всей округе, да еще имеет собственный золотой запас, эти поставщики принять в оплату своих товаров, пожалуй, готовы. Зачем им обязательно получать от покупателей своих товаров золото, если это золото не складывается в подвалах и не закапывается в саду под деревом, а постоянно находится в обороте? И чем в качестве сиюминутного, мимолетного платежного средства (средства обращения) в торговом обороте обязательство банка хуже, чем золото? Ведь банк по первому требованию готов заплатить по своим обязательствам золотом, и вроде бы до сих

пор всегда платил. А раз платил, значит, пользуется доверием, и незачем всякий раз проверять его платежеспособность, предъявляя «бумажные деньги» (обязательства банка) к обмену на золото. Легкие весом и компактные бумажные деньги удобнее в торговом обороте, чем тяжелые металлические деньги (точно так же современные люди пытаются избавиться от монет в своем кошельке, предпочитая иметь дело с бумажными ассигнациями или с пластиковыми платежными картами).

Вот и обращался Джованни за кредитом в свой банк, и банк выдавал ему кредит не в форме физической поставки золота, а путем выдачи своих собственных банковских билетов (банкнот). Банкнота исторически возникла как банковский вексель сроком до востребования — то есть обязательство банка заплатить по этому векселю золотом или серебром по первому требованию держателя. Технически и юридически банковский кредит заемщику Джованни мог быть оформлен разными способами. Джованни, например, мог получить кредит напрямую в своем банке (банке Джованни) против увеличения остатка средств на своем счете, с которого он теперь мог снимать как банкноты своего банка, разменные на золото, так и само золото. Или же Джованни расплачивался собственным векселем с Адриано, а тот учитывал (переуступал, продавал) этот вексель в своем банке (банке Адриано). Как правило, лицо, учитывающее чужой вексель в банке (векселедержатель, в нашем случае Адриано), принимало на себя перед банком субсидиарную ответственность с первоначальным векселедателем (в нашем примере Джованни). То есть, хотя банк Адриано становился кредитором Джованни, но в случае неспособности последнего расплатиться по векселю, банк мог потребовать исполнения платежа и от самого Адриано. Вот так в бухгалтерском учете банков выглядели последствия получения Джованни банковского кредита без физической поставки золота:

Таблица 9-А

Вариант 1: Получение покупателем товара (Джованни) кредита через свой банк (банк покупателя) в сумме 200 условных денежных единиц

Бухгалтерский баланс банка Джованни:

Активы		Пассивы	
Задолженность по выданным кредитам		Задолженность по клиентским счетам, вкладам и выпущенным банкнотам	
Увеличение (дебет счета)	+200	Увеличение (кредит счета)	+200

Вариант 2: Продавец товара (Адриано) учитывает вексель покупателя (Джованни) в своем банке в сумме 200 условных единиц

Бухгалтерский баланс банка Адриано:

Активы		Пассивы	
Задолженность по выданным кредитам		Задолженность по клиентским счетам, вкладам и выпущенным банкнотам	
Увеличение (дебет счета)	+200	Увеличение (кредит счета)	+200

Из нашего примера хорошо видно, что банковское кредитование без физической поставки золота не влияет на изменение золотого запаса банков, но уменьшает степень обеспечения (покрытия) бумажных денег (банковских обязательств) золотом. Потому что обязательства банков увеличиваются по мере роста кредитного портфеля банков, а золота в активах банков не прибавляется. Главное теоретическое условие полного обеспечения долговых обязательств банка «реальными деньгами», то есть золотом не утрачивает своей силы:

золотой запас > задолженности по счетам, вкладам, выпущенным банкнотам и иным видам долговых обязательств банка

(уже рассмотренное нами Условие 1). Но, начиная уже с XIX века, оно повсеместно перестает соблюдаться на практике. Потребности капиталистического уклада экономики, бурный рост коммерческого оборота в связи с Промышленной революцией, разрушением натуральных крестьянских хозяйств и углублением разделения труда заставляло банки наращивать кредитные операции и, соответственно, эмиссию своих долговых обязательств сверх величины накопленных запасов драгоценных металлов.

Фидуциарная эмиссия, появление центральных банков, уход от металлических денег

Эмиссия банками бумажных денег (долговых обязательства банков в виде банкнот или записей на клиентских счетах), не обеспеченных благородными (драгоценными) металлами, получила название фидуциарной эмиссии (то есть эмиссии, основанной на доверии – имелось в виду, конечно, доверие держателей денег к эмитирующим их банкам). Появление банковских долговых обязательств, не обеспеченных золотом или серебром, явило собой подлинную революцию в денежном обращении и банковском деле. Все последствия этой революции люди, как водится, не могли сразу предвидеть и оценить. Изменилась сущность,

природа денег. Денежный товар (драгоценные металлы) утратил свою монополию на выполнение денежных функций и стал делить эти функции с банковскими обязательствами. Фактически возникло параллельное обращение металлических и «бумажных» денег, причем «бумажные» деньги переставали быть временными заменителями, представителями золота или серебра (как раньше долговые расписки банков, принявших драгоценный металл от клиентов на хранение). «Бумажные» деньги стали жить собственной жизнью, обусловленной кредитными операциями депозитных банков. По мере роста банковского кредитования увеличивались и объемы фидуциарной эмиссии. Деньги становились продуктом, следствием банковского кредитования, логически и экономически никак не связанными с драгоценными металлами (в литературе появился даже термин «кредитные деньги», который, пожалуй, точнее и глубже отражает природу банковских обязательств по сравнению с терминами «бумажные» и «электронные» деньги). Обязательство банков обменивать «бумажные» деньги на золото или серебро по твердому курсу превратилось в невыполнимое обещание, благое пожелание, не подкрепленное реальными возможностями банков. Действительно, если банки не располагают золотым запасом, чтобы расплатиться по своим обязательствам в полном объеме, то чего стоят их обещания? В головы людей постепенно закрадывались крамольные мысли: «А нужен ли вообще гарантированный размен банковских обязательств на драгоценные металлы по твердому курсу? Не доверять ли такой обмен особым, уникальным банкам, находящимся под контролем государства, сделав их эмиссионными, центральными или главными над всеми остальными банками?»

На этом этапе нашего повествования уместно еще раз на условных примерах продемонстрировать принципы банковского кредитования и его роль в экономической жизни. На память невольно приходят ассоциации из далекого детства. Есть такой известный сюжет из сказки о том, как подавился петушок бобовым зернышком. Лежит петушок и не дышит, и курочка (верная подруга) бросилась спасать петуха. Попросила у хозяйки маслица, чтобы смазать петушку горлышко, а у хозяйки готового масла не оказалось — его еще нужно было из молока сбить, да молока в доме нет. Обратилась курица к корове, чтобы та дала молока хозяйке, но корова молока не дает, потому что сама голодная — сена нет. Сено может накосить хозяин, но у него коса сломалась. У этой драматической истории, как известно, был счастливый конец. Кузнец внял мольбам курочки о помощи и починил косу хозяину, тот накосил сена и отдал его корове, корова дала хозяйке молока, хозяйка сбила маслице и дала его курочке. Петуху смазали маслицем горлышко, и он

был спасен. В народной сказке персонажи помогали друг другу и делились плодами своего труда бескорыстно и безвозмездно, спасая от гибели живое существо. Такое поведение отражает дух натурального общинного хозяйства в русской деревне, где денежных отношений или вообще не было, или они носили ограниченный характер. Но даже общинный уклад жизни признавал принцип «долг платежом красен», даже если речь шла не о юридически оформленном, а о моральном долге, основанном на чувстве благодарности. Поэтому логический конец истории про несчастного петуха напрашивается сам собой, хоть он и не попал в официальный сюжет: наверняка курочка, как только сделала очередную кладку яиц, одарила ими спасителей петуха — всех остальных персонажей сказки, трудившихся на нее.

А теперь пробудим нашу фантазию и посмотрим, как изменится сюжет сказки, если её персонажи действовали бы в рамках товарно-денежных отношений. Например, если все они — расчетливые, меркантильные создания, которые бесплатно рукой не шевельнут. Или же речь идет не о чрезвычайной ситуации с умирающим петухом, когда уместно проявлять бескорыстие, а о желании курочки полакомиться маслом. С какой стати ради удовлетворения кулинарных пристрастий курицы хозяйин с хозяйкой, корова и кузнец должны трудиться даром? Зачем такая благотворительность, когда курица может расплачиваться яйцами? Если курица в нашей цепочке разделения труда будет расплачиваться со своими поставщиками яйцами, то это будет примером натурального обмена. Но бартер не очень удобен. Например, кто-то потребляет много яиц, а кто-то их вообще не ест. Или, например, взять фактор сезонности. Куры несутся регулярно, но срок хранения яиц ограничен. Сено хранится долго, но заготавливают его раз в год, создавая запасы на период нехватки сочных кормов. Спрос на услуги кузнеца может быть нерегулярным, а питаться ему нужно каждый день, ну и так далее. Другими словами, курица в нашем сюжете, переиначенном под коммерческие отношения, далеко не всегда сможет обменять яйца на масло, потому что, например, хозяйке столько яиц самой не съесть, а со сбытом яиц соседям у нее могут возникать проблемы — ну, не берут яйца в родном селе, и всё тут. Хозяйка, может, и дала бы курочке масла в долг разок-другой, но делать это постоянно она вряд ли сможет — для этого нужно, чтобы самой хозяйке в долг поставляли молоко, корове — давали в долг сено и так далее по цепочке поставщиков. Вот если бы у курочки были золотые, серебряные или хотя бы медные монетки, тогда другое дело. На эти монетки курочка стала бы покупать масло у хозяйки, которая частью полученных от курицы денег, в свою очередь, сможет расплатиться с коровой, та — с хозяином, а хозяин — с кузнецом (по цепочке). Но откуда курице взять золо-

то и серебро, если у нее нет денежных накоплений? Она может обратиться в банк, но банк, ориентируясь на потребности делового оборота и стремясь заработать максимальную прибыль, постепенно перейдет от кредитования с выдачей курице металлических денег на кредитование с выпуском в обращение собственных долговых обязательств, не имеющих металлического обеспечения. Будет курица получать от банка в долг бумажные банкноты и расплачиваться ассигнациями с хозяйкой, та заплатит корове, корова – хозяину, а хозяин – кузнецу. Курица сможет расплатиться по кредиту с банком тогда, когда сумеет, наконец, продать свои яйца в обмен на банкноты тем же персонажам (хозяйке, корове, хозяину, кузнецу) и вернуть банкноты в банк.

В сказке о петушке и бобовом зернышке на самом деле содержится описание полного производственно-торгового цикла с обменом между его участниками продуктами труда и услугами. В классической сказке ее персонажи не начали бы трудиться, чего-либо производить и передавать друг другу, если бы не энергичные хлопоты курочки, которая сумела всех склонить к активным действиям. В придуманном нами коммерческом варианте той же сказки катализатором экономической активности выступил банковский кредит, без которого обмен продуктами труда и услугами между сказочными персонажами был бы сильно затруднен. Теперь можно отойти от сказочного сюжета и взять условный пример, приближенный к реальной экономической жизни. Рассмотрим пример замкнутой экономической системы, в которую входят: промышленный производитель («завод»), сельскохозяйственный производитель («ферма»), торговое предприятие («магазин») и домашнее хозяйство («работники»). Работники трудятся на заводе, ферме и магазине, продавая свою рабочую силу. Завод производит и поставляет на ферму горючее, технику и сельскохозяйственный инвентарь. Ферма производит и поставляет потребительские продукты, необходимые для жизни работников, в магазин, откуда они поступают работникам завода, фермы и самого магазина.

Схематично экономический (товарный) обмен в этой замкнутой экономической системе выглядит следующим образом:

Продажа продукции

Завод – 100 ферме, ферма – 150 магазину, магазин – 160 работникам

Продажа рабочей силы

Работники – 100 заводу, работники – 50 ферме, работники – 10 магазину

Приведенная схема означает, что в рамках одного условного производственного и торгового цикла (допустим, за 1 месяц) завод поставляет на ферму продукцию на общую стоимость 100 условных денежных

единиц, ферма передает магазину потребительских товаров на 150 единиц, а работники получают эту продукцию по более высокой цене — на общую стоимость 160 единиц. При этом потребительские товары распределяются среди работников в таком соотношении: работники завода получают продукции на 100 денежных единиц, работники фермы — на 50 единиц, а работники магазина — на 10 единиц. То есть для простоты примера сделано допущение, что каждое из трех предприятий (завод, ферма и магазин), продавая свою продукцию, нуждаются лишь в компенсации труда (в поддержании рабочей силы) своих работников, без учета фактора износа (амортизации) средств производства. Использование «кредитных денег» банка для обслуживания описанного производственного цикла выглядит следующим образом. Предположим, что все предприятия и работники обслуживаются в одном и том же банке и имеют открытые в нем счета. Тогда банк предоставляет ферме кредит на покупку товаров у завода в сумме 100 условных денежных единиц, зачисляя эти деньги на открытый у себя счет фермы. В бухгалтерском учете банка появятся записи (далее по тексту бухгалтерские проводки также будут показаны в учете банка, а не его клиентов): Дебет ссудного счета фермы в сумме 100 и Кредит расчетного счета фермы в сумме 100. Затем банк исполняет платежное поручение фермы и перечисляет деньги с расчетного счета фермы на расчетный счет завода в оплату поставки товаров (Дебет расчетного счета фермы 100, Кредит расчетного счета завода 100). Завод выплатит деньги своим работникам, что приведет к следующим бухгалтерским проводкам в книгах учета банка: Дебет расчетного счета завода 100, Кредит текущих («зарплатных») счетов работников 100. Когда ферма изготовит товар и будет готова продать его магазину, банк предоставит кредит магазину на покупку товара у фермы в сумме 150 и кредит на выплату заработной платы работникам магазина в сумме 10 — Дебет ссудного счета магазина 160, кредит расчетного счета магазина 160. Магазин перечислит деньги ферме в оплату купленного товара — Дебет расчетного счета магазина 150, кредит расчетного счета фермы 150. Ферма выплатит заработную плату своим работникам, а магазин — своим (Дебет расчетного счета фермы 50, кредит текущих счетов работников фермы 50, Дебет расчетного счета магазина 10, Кредит текущих счетов работников магазина 10). Одновременно ферма погасит задолженность по банковскому кредиту: Дебет расчетного счета фермы 100, Кредит ссудного счета фермы 100. И, наконец, когда магазин продаст все свои товары работникам завода, фермы и магазина, то он погасит свою задолженность банку по кредиту. Бухгалтерский баланс банка «обнулится», поскольку у банка не останется ни должников, ни остатков средств на клиентских счетах после таких проводок в его книгах учета: Кредит ссуд-

ного счета магазина 160, Дебет текущих счетов работников завода 100, Дебет текущих счетов работников фермы 50 и Дебет текущих счетов работников магазина 10.

Приведенный пример является сугубо условным, иллюстративным, в нем сделано множество искусственных допущений. В реальной жизни процесс товарного производства не состоит из отдельных завершенных циклов (от изготовления до конечной реализации конкретной партии товара через технологическую и коммерческую цепочку посредников от первичного производителя до конечного потребителя), как это было представлено в нашем примере с замкнутой экономической системой из четырех участников (завод, ферма, магазин, работники). В действительности коммерческий оборот не дискретен, а непрерывен во времени. Производство на заводе и ферме идет непрерывно или почти непрерывно (от 1 до 3 рабочих смен в сутки), а отгрузки товаров — регулярно по мере поступления заказов и наличия свободных транспортных средств. Чтобы не прерывать процесс производства и отгрузки/продажи, завод, ферма и магазин должны хранить запасы сырья, полуфабрикатов, комплектующих изделий и готовой продукции. Выплата заработной платы работникам осуществляется дискретно, но регулярно (в России, как правило, два раза в месяц), а расходуют свои деньги работники с различной степенью регулярности в зависимости от своей структуры потребления. Все эти обстоятельства приводят к тому, что по состоянию на каждый момент времени у реального банка, обслуживающего подобную экономическую систему, всегда будет задолженность по выданным кредитам и всегда будут остатки по счетам клиентов. А задолженность банков по клиентским счетам — это и есть деньги в обращении. В нашем примере работники держат все свои деньги на текущих («зарплатных») счетах, но они могут расходовать эти деньги на покупку потребительских товаров в магазине в безналичном порядке в качестве законного платежного средства. Если работники будут снимать деньги с банковских счетов наличными (получать на руки банковские билеты, банкноты), то принципиальная схема банковского обслуживания коммерческого оборота не изменится. В нашем примере в книгах учета банка, выпускающего собственные банкноты, вместо бухгалтерских проводок по текущим счетам работников будут выполнены аналогичные проводки по счетам учета выпущенных в обращение банкнот. Банкнота — это такая же разновидность банковского обязательства, как денежные средства на клиентских счетах. В рассмотренном условном примере, чтобы не перегружать наш кейс деталями и сделать его как можно более наглядным, мы абстрагировались от того, что предприятия могут получать прибыль, иметь собствен-

ные оборотные средства, банки обычно взимают проценты по кредитам, а также от многих других немаловажных обстоятельств.

И всё же, несмотря на все упрощения и допущения, рассмотренный пример позволяет понять логику банковского кредитования, роль кредитных денег в коммерческом обороте. Очевидно, что потребность экономики в банковском кредитовании и, соответственно, в увеличении денежной массы должна расти по мере роста физических объемов производства и рыночной реализации товаров и услуг, а также по мере углубления системы разделения и специализации труда между участниками рынка, удлинения цепочки посредников между базовыми производителями и конечными потребителями. В натуральном хозяйстве, когда люди потребляют сами все, что производят, вообще нет места для товарного обмена, денег и кредита. А если вместо одного завода, объединяющего различные производственные и коммерческие цепочки, возникает множество индивидуальных и самостоятельных производственных единиц, работающих на полном хозяйственном расчете и связанных между собой коммерческими отношениями, то суммарная банковская задолженность этих заводиков, предприятий и сбытовых контор будет существенно превышать банковскую задолженность одного предприятия-гиганта, выполняющего те же функции. И это неудивительно, потому что завод-гигант только с внешним миром вступает в товарно-денежные отношения, а внутри себя ведет фактически натуральное хозяйство. Теперь, когда мы немного разобрались в принципах банковского кредитования экономического оборота и в механизме так называемой фидуциарной банковской эмиссии, можно вернуться к заявленной теме раздела — к истории возникновения центральных банков и отказа от металлических денег.

Прервались мы на том, что развитие фидуциарной, то есть необеспеченной металлическими деньгами, эмиссии банками своих обязательств, вызвала смятение в умах, как самих банкиров, так и государственных деятелей, отвечающих за экономическую политику своих стран. А задуматься, действительно, было о чем. Это нам сейчас, в начале XXI века эпоха металлического денежного обращения представляется чуть ли не идиллическим временем финансовой стабильности, в котором у денежных властей как бы не было забот, и в котором денежная система якобы сама себя регулировала в нужном направлении. Реальная действительность не была такой уж однозначно безоблачной и безмятежной. Главная проблема, связанная с использованием металлических денег, заключалась в том, что предложение этих денег в экономике определялось не объективными потребностями в них коммерческого оборота, а условиями производства и поступления на рынок драгоценных метал-

лов. Между тем, успешное использование металлических денег в хозяйственном обороте (как, впрочем, и кредитных денег) возможно лишь в том случае, если поступление этих денег в оборот соответствует потребностям народного хозяйства. А эти потребности, в свою очередь, определяются темпами роста производства и торговли, темпам углубления процесса разделения труда. Если по каким-то причинам, связанным с условиями производства и поставки драгоценных металлов на рынок, их предложение резко отстает или существенно опережает спрос на деньги со стороны участников экономического обмена, могут возникать серьезные социально-экономические проблемы. Историческими примерами таких катаклизмов служат, в частности, периоды истощения освоенных серебряных рудников в Европе и Азии в Средние века («серебряный кризис») или массовое поступление на рынок дешевых драгоценных металлов из Америки и Австралии в XVI и XIX веках («революции цен» в Европе).

Некоторая оторванность оборота драгоценных металлов от потребностей хозяйственного оборота стала особенно заметной и даже очевидной с началом Промышленной революции в Европе и Северной Америке. Резкое, скачкообразное ускорение роста промышленности, торговли и разделения труда, разрушения натурального уклада хозяйствования вызывало потребность в адекватном развитии банковского кредитования. Как мы убедились на примере притчи о петушке и бобовом зернышке, без банковского кредита затруднительно «запустить» и поддерживать товарный обмен между экономически связанными между собой (разделением труда) участниками рынка. Но человечество так долго жило с металлическими деньгами и в основном обходилось без банковских кредитов, что свыкнуться с новыми реалиями и осмыслить их оказалось очень непросто. Не случайно, что именно на XIX и на первую половину XX века пришлось самые острые в среде экономистов дискуссии по вопросам теории денег, кредита и процента — это был подлинный праздник интеллекта. Современные экономисты занимаются в основном эмпирическими исследованиями рыночной конъюнктуры с применением методов количественного анализа, не выходя за рамки принятой идеологической, мировоззренческой парадигмы. Экономисты же прошлой эпохи были ближе к философам, потому что искали глубокие смыслы, скрытые за внешними явлениями. Поиском смыслов наполнены, например, споры по глубоким сущностным вопросам между денежной и банковской школами, между натуралистической и капиталотворческой теориями кредита. Эти дискуссии начались более двух столетий назад, но не утратили своей актуальности и по сей день, а логические построения и смысловые ак-

центры основателей теоретических школ прошлого воспроизводятся современными экономистами и политиками (хотя некоторые из них об этом даже не догадываются).

Во второй половине XIX века люди, стоящие у власти в странах, испытывающих бурное индустриальное развитие, пришли к заключению, что новая экономика нуждается в росте банковского кредитования, и что без фидуциарной банковской эмиссии удовлетворить потребности растущей экономики в кредитах будет просто невозможно. Но и с неограниченной кредитной экспансией банков, сопровождающейся фидуциарной (не обеспеченной драгоценными металлами) эмиссией банковских обязательств, политические власти согласиться также не могли. Потому что справедливо опасались, что банки начнут наращивать кредитование и денежную эмиссию сверх всякой меры, что приведет к неконтролируемой инфляции, а значит, к подрыву у людей мотиваций к труду и к возможным социальным бунтам. Ведь банки исторически возникли и развивались (и до сих пор существуют в таком виде), как частные предприятия, а позднее, как коммерческие партнерства и акционерные общества. Алчность, жажда наживы, как известно, составляет главный стимул в капиталистическом укладе хозяйствования. И это вовсе не выдумки марксистов и прочих левых, в чем читатель может легко убедиться, ознакомившись на информационных сайтах крупнейших корпораций и банков с их официальными стратегиями развития. Официально декларируемая цель любого коммерческого банка даже в современном «политкорректном» мире — это рост стоимости акционерного капитала. А что уж говорить об эпохе «дикого» капитализма конца XIX — начала XX века!

Собственников и менеджеров банков не интересуют реальные потребности экономики в кредитах — их волнует исключительно финансовый результат. И если этого результата можно легко добиться путем раздувания кредитной экспансии, то банкиров (как и любых других любых капиталистов) не интересуют макроэкономические или социально-политические последствия их операций. Оппортунистическое стремление извлечь хотя бы краткосрочную, но максимальную выгоду, как правило, пересиливает все остальные соображения и инстинкты у частных предпринимателей, в том числе в банковском деле. Современные специалисты знают, что самые большие и легкие, спекулятивные прибыли могут быть получены профессиональными финансовыми посредниками в условиях высокой инфляции и/или при торговле долговыми инструментами самого низкого качества. Правда, при таком подходе к делу и риски у банков растут, но что такое риски в сравнении с соблазном получить, если повезет, сверхвысокую прибыль? Как писал извест-

ный мыслитель XIX века, при норме прибыли 50% капитал «положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы»². Профессиональный и жизненный опыт заставляет нас признать справедливость этого утверждения, в том числе и для современной действительности. А ведь величина денежного предложения, темпы роста денежной массы в обращении оказывают прямое влияние на уровень товарных цен, на инфляционные процессы в экономике. В любой из известных классических теорий денег есть рациональное зерно, порой абсолютизированное адептами этой теории в ущерб пониманию других истин или справедливое лишь в конкретных исторических условиях. Но отрицать влияние денежного предложения на товарные цены не станет, пожалуй, никто. Не делало этого и умеренное крыло сторонников банковской школы — они лишь напоминали, что на уровень товарных цен влияет не только предложение денег, но и спрос на деньги в экономике. Поэтому, как они полагали, важны не только объемы банковского кредитования, но и экономическая сущность операций, которые совершаются с помощью банковских кредитов. Дескать, если банки будут приобретать «реальные» векселя, с помощью которых обслуживается товарный оборот, то инфляционное воздействие таких кредитов будет значительно ниже, чем при покупке, например, «дружеских» векселей, за которыми не стоят реальные товары. Но даже приверженцы банковской школы в теории денег не могли поручиться, что банки будут покупать только «реальные» векселя, если им дать право неограниченной фидуциарной эмиссии.

У государственных чиновников той эпохи были веские основания ожидать неизбежных эксцессов с фидуциарной эмиссией банков еще и потому, что сами государства грешили тем же самым с незапамятных времен. Еще в эпоху безраздельного господства металлического обращения государства «баловались» так называемой «порчей» монеты, расплачиваясь с кредиторами и поставщиками деньгами с искусственным, навязанным рынку обменным курсом, не соответствующим весовому содержанию денег, отчеканенных на казенном монетном дворе. Эти деньги были легковесные, неполноценные, а государство пыталось их продать (обменять) по номинальной цене (номинальному весовому содержанию в них драгоценного металла), отличающейся от настоящей, реальной, признаваемой рынком цены. Ведь рынок мог считать справедливой лишь такой обменный курс денег, который вытекал из их фак-

² Карл Маркс. «Капитал. Критика политической экономии», том 1, Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., том 23, М., 1955—1981.

тического металлического весового содержания. Подделка денег, порча монеты частными лицами традиционно считалась тягчайшим преступлением, и каралась государством самым суровым образом. Но иногда государства сами занимались такой порчей денег в целях финансирования своих расходов и какое-то время могли это делать вполне успешно и безнаказанно для себя (если не считать известных из истории бунтов, восстаний людей против такого фактического жульничества). По-видимому, именно такой опыт государственного изготовления денег с принудительным обменным курсом и заложил основы для номиналистической теории денег (смысл которой сводится к тому, что какую цифру государство изобразит на деньгах, столько они и «стоят»). В реальности, даже если под угрозой жестокого наказания поставщики и кредиторы государства и не могли отказать властям в приеме этих денег по номиналу (в перерывах между бунтами), то на вторичном рынке такие деньги неизбежно обесценивались. Можно представить себе тревогу государственных чиновников, стоявших перед дилеммой — разрешать или не разрешать неограниченную фидуциарную эмиссию банкам. Дескать, если мы, государственные мужи, сами не можем порой удержаться от соблазна расплатиться с кредиторами неполноценными деньгами, то разве удержатся банки от искушения заработать «сумасшедшие» деньги на развитии кредитной экспансии? Дебет ссудного счета, кредит расчетного — и деньги появились как бы из воздуха? По ссудному счету банк получает хорошие проценты, а по расчетному клиентскому счету вообще не платит. Тут и святой не выдержит!

Технически, проблему ограничения банковской фидуциарной эмиссии можно было бы решить путем установления законодательных, регулятивных ограничений для банков. Например, установить правило, что банковские обязательства в виде выпущенных в обращении банкнот или более широкий круг банковских обязательств (например, банкноты и обязательства по счетам до востребования) должны быть хотя бы частично обеспечены золотым (серебряным) запасом (допустим, на 50%). Почему этого не сделали, со всей определенностью сейчас уже невозможно точно установить, но мы всё же попытаемся объяснить себе логику решений политических властей. Государственные рыночные регуляторы (в ту эпоху они, правда, так себя еще не называли, хотя по сути уже таковыми являлись) пошли по другому пути. В конце XIX-начале XX века в одной за другой из индустриально развитых стран уже существовавшим или вновь создаваемым банкам, контролируемым государствами, стали придаваться особые, исключительные, монопольные функции. Так возникли центральные банки, обладавшие монопольным правом на эмиссию банкнот. Всем остальным банкам было

впредь запрещено выпускать банкноты (обращаемые на рынке банковские векселя сроком до востребования), но за ними сохранялись функции кредитования и эмиссии всех прочих видов долговых обязательств, кроме банкнот, в том числе эмиссии денег в виде долговых записей на клиентских текущих и расчетных счетах сроком до востребования. Обычные (депозитные, коммерческие) банки в законодательном порядке были избавлены от необходимости платить по своим долговым обязательствам золотом, а вот центральные банки приняли на себя обязательство обменивать свои банкноты на золото или серебро по твердому курсу. Так возникло различие между деньгами центрального банка или «сильными деньгами» (по-английски, *high power money*) и деньгами коммерческих банков.

Но и это еще не все. Государства возложили на центральные банки обязанность контролировать (регулировать) объемы денежной эмиссии всех остальных банков. Ведь такая эмиссия коммерческих банков (хоть и «безналичная») стала на 100% фидуциарной, и её нужно было как-то сдерживать. В итоге коммерческие банки обязали хранить (держат) в центральном банке кассовые резервы, величина которых зависела от размера банковских долговых обязательств — другими словами, для коммерческих банков были установлены обязательные резервные требования. Кассовые резервы, как правило, хранились в виде остатков средств на безналичном счете коммерческого банка в центральном банке, хотя в некоторых странах в отдельные времена коммерческие банки могли хранить такие резервы и в наличной форме — в банкнотах центрального банка. Обязательные резервные требования ограничивали возможности коммерческих банков наращивать кредитную экспансию. Чем выше норматив обязательных резервных требований (процентное отношение обязательных резервов к долговым обязательствам), тем меньше — при прочих равных условиях — возможности у банка наращивать кредитный портфель и долговые обязательства. Банк мог бы неограниченно, бесконечно делать одну и ту же бухгалтерскую проводку «дебет ссудного счета клиента и кредит расчетного счета клиента», раздувая свой баланс и эмитируя собственные долговые обязательства, но откуда ему раздобыть «сильные деньги» центрального банка, чтобы выполнить резервные требования? Эти деньги могли поступить только при получении коммерческим банком кредита от самого центрального банка или могли прийти от других участников рынка — либо от коммерческих банков и государственного казначейства по безналичным счетам, открытым в центральном банке, либо от любых участников рынка в виде банкнот центрального банка. Вот коммерческий банк и вынужден был сдерживать кредитную экспансию, сопровождаемую эмиссией собственных

обязательств, дожидаясь накопления у себя в активах денег центрального банка.

История создания центральных банков в Западной Европе и в Северной Америки с фактами и деталями хорошо описана, в частности, в известной монографии Веры Смит «Происхождение центральных банков»³. Эта вошедшая в историю монография примечательна, прежде всего, не описанием интересных фактов, а тем, что она стала манифестом сторонников так называемой «свободной банковской школы». Приверженцы этой школы полагают, что создание центральных банков явилось следствием цепи исторических событий и стечения случайных обстоятельств, и что человечеству лучше бы вообще обойтись без центральных банков. Книга была написана как докторская диссертация, причем научным руководителем Веры Смит выступал сам Фридрих Август фон Хайек — «икона» экономистов либеральной школы. Вера Смит и её сторонники полагают, что вмешательство центральных банков в процесс денежного обращения и кредитования препятствует эффективному функционированию свободной рыночной экономики, и рынок вполне способен был бы работать с «частными банкнотами», и иными долговыми обязательствами, эмитируемыми многочисленными коммерческими банками. Кредитные риски по банкнотам будут различаться — в зависимости от того, какой банк их выпустил, и рынок сам оценит эти риски и установит курс банкнот — одни деньги будут котироваться на рынке выше номинальной стоимости, другие — ниже (как, например, по-разному котируются векселя или облигации разных эмитентов).

Вера Смит пришла к таким выводам в середине 1930-х годов, в условиях еще не окончательно отмененного золотого стандарта, и исходила из того, что долговые обязательства коммерческих банков, то есть деньги, должны подлежать оплате золотом по требованию их держателей. Именно металлическое обеспечение денег, выпускаемых многочисленными банками, и должно было, по её замыслам, служить основой стабильности денежного обращения в условиях отсутствия единого эмиссионного центра в лице центрального банка. То есть она призывала вернуться «к истокам» банковского дела, когда рынок обходился без центральных банков. Правда, Вера Смит успела еще застать (а из жизни она ушла в 1976 г.) окончательный крах золотого стандарта даже в его ущемленном, урезанном виде, предлагаемом Бреттон-Вудской валютной сис-

³ Smith, Vera C. «The Rationale of Central Banking and the Free Banking Alternative», Liberty Press (Indianapolis), 1990. Reprint. Originally published: «The Rationale of Central Banking». Westminster, England: P.S.: King and Sons Ltd., 1936.

темой, но от взглядов своих, тем не менее, не отказалась. У нее имеются последователи среди экономистов крайне либеральных взглядов, которые и в современных условиях ратуют за демонтаж института центральных банков и предоставление коммерческим банкам полной свободы в вопросе денежной эмиссии^{4,5}. Одни из них всё же увязывают свои предложения с перспективами восстановления металлического или иного товарного стандарта — то есть обязанности банков обменивать свои долговые обязательства на драгоценные металлы или иные товары по твердой цене, другие считают возможным обойтись даже без этого.

И всё же трудно согласиться с приверженцами «свободной банковской школы» в том, что создание центральных банков и «двухъярусной» банковской системы произошло в результате случайности. Два главных объективных фактора содействовали такому развитию событий: потребность новой индустриальной экономики в фидуциарной денежной эмиссии и потребность этой же экономики в централизованном контроле над величиной эмиссии. Предоставить институтам частного предпринимательства, каковыми являлись банки, полную свободу кредитной экспансии (а значит, и денежной эмиссии) — это всё равно, что доверить козе стеречь капусту или волку пасти овец. Альтернативное же созданию центральных банков техническое решение, о котором мы уже упоминали, в виде установления лимитов кредитной экспансии для каждого банка в отдельности страдает отсутствием гибкости. Если лимиты роста кредитных вложений, сопровождаемых фидуциарной эмиссией, привязать к величине золотого запаса коммерческих банков, то темпы денежной эмиссии опять-таки будут определяться не потребностями коммерческого оборота, а условиями производства и предложения на рынке драгоценных металлов. Если же в целях ограничения денежного предложения в экономике всем банкам устанавливать равные лимиты прироста кредитных вложений, независимо от их финансово-экономических показателей (например, величины золотого запаса), то нарушается принцип рыночной конкуренции. В чем нельзя не согласиться с Верой Смит и ее единомышленниками, так это в том, что при создании центральных банков политические власти преследовали среди прочего и собственные корыстные интересы, рассматривая эти банки как удобный источник финансирования государственных расходов (фактически как собствен-

⁴ Фридрих А. Хайек. «Частные деньги». Предисловие: В. Найшуль. Перевод: Б. Верпаховский. М.: БАКОМ, 1996. ISBN 5-900520-064. Впервые опубликовано: Institute of Economic Affairs, London, October 1976 — F. A. Hayek, «Denationalization of Money».

⁵ Friedman, Milton, and Schwartz, Anna, 1986. «Has Government Any Role in Money?» Journal of Monetary Economics 17 (1986), P. 37—62.

ный печатный станок). И действительно, история знает немало примеров злоупотреблений государством инструментом фидуциарной эмиссией для финансирования бюджетных расходов в масштабах, которые были невозможны в эпоху металлического денежного обращения с помощью «порчи» монеты.

Начнем с того, что «бумажные» деньги могут выпускаться не только банками, но и государственными казначействами (то есть правительствами). И механизм выпуска этих денег связан не с кредитованием коммерческого оборота, а с финансированием государственных расходов. Это как если бы в сказке о петушке и бобовом зернышке курочка вступала бы с другими персонажами не в добровольные, договорные отношения, а обладала бы над ними властью и в рамках властных полномочий могла бы выпускать бумажные деньги. И эти деньги остальные участники рынка (хозяйка, корова, хозяин и кузнец) обязаны были бы принимать в оплату за свои товары и услуги. В коммерческом варианте нашей притчи, в котором курочка не спасала петуха, а просто хотела лакомиться маслом в неограниченном количестве, ее эмиссия бумажных денег без всяких обязательств поставлять другим персонажам что-либо взамен (хотя бы яйца) привела бы к печальным последствиям. Наводнение рынка бумажными деньгами привело бы к росту товарных цен и, возможно, к падению производства масла и других товаров, переходу к натуральному обмену. Механизм казначейской эмиссии в XX веке принимал массовый характер в годы войн, приводя к гиперинфляции (один из наиболее известных, благодаря литературным классикам, примеров — Германия в конце Первой мировой войны и в первые годы после нее). Причем существование центральных банков позволяло правительствам формально обходиться без эмиссии государственных казначейских билетов. Центральный банк просто финансировал по потребности бюджетный дефицит, выдавая кредиты правительству и эмитируя при этом собственные долговые обязательства, в том числе банкноты. Использование центральных банков для прямого финансирования государственных расходов сверх потребностей коммерческого оборота в предложении денег явилось огромной проблемой для экономики. Оказалось, что в смысле неспособности умерить свои аппетиты, потребности в денежной эмиссии правительства мало, чем отличаются от коммерческих банков. Поэтому экономическая и политическая мысль на протяжении всего XX столетия работала над задачей ограничения доступа государственных казначейств к кредитам центральных банков путем установления соответствующих законодательных норм.

Регулирование величины фидуциарной эмиссии через центральные банки в принципе уже в начале XX века создало предпосылки для полного отказа от использования металлических денег. Тем не менее, металлический стандарт отступал постепенно и демонтировался политическими властями еще в течение нескольких десятилетий. До Первой мировой войны основные экономически развитые страны мира обеспечивали (или хотя бы декларировали) свободный размен банкнот центрального банка на золото или серебро по фиксированной цене (металлическому содержанию национальных денежных единиц). Война прервала нормальный экономический порядок, а с ее окончанием власти ряда стран начали усложнять, ограничивать обмен банкнот центрального банка на золото. Например, банкноты стало возможным обменивать на металл только в крупных суммах (покупая золотые слитки, в то время как раньше имела хождение и золотая монета) или же их можно было обменивать не непосредственно на золото, а на иностранную валюту, размен которой на золото был гарантирован иностранными государствами или центральными банками. Лишь глубочайший мировой экономический кризис 1930-х годов, из которого мир вышел фактически только после Второй мировой войны, совершенно уничтожил гарантированный государством обмен банкнот на золото для их держателей внутри страны. Причем современные специалисты полагают, что денежные власти в 1930-х годах слишком затянули с отменой металлического стандарта, что только усугубило кризис. Вместо того, чтобы цепляться за золотой стандарт, властям следовало бы резко увеличить предложение денег в экономике при появлении первых признаков депрессии. В течение нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны США сохраняли обязательство обменивать активы в долларах на золото по фиксированной цене лишь иностранным центральным банкам, но в 1971 г. и такой обмен прекратился, что ознаменовало собой полную отмену привязки денежной эмиссии к обороту драгоценных металлов.

Почему столь долго и так болезненно рынок и власти расставались с рудиментами металлического денежного обращения, а не отказались от него сразу? По-видимому, сказывались силы инерции, привычка, а также фактор доверия (или недоверия) участников рыночного обмена к новым кредитным деньгам, поступающим в обращение в ходе банковских кредитных операций. То, что по инерции, в силу привычки национальные денежные власти некоторое время принимали на себя обязательства обменивать банкноты центрального банка на драгоценные металлы, было в целом мудрым шагом (возможно, за исключени-

ем запоздалой отмены металлического стандарта в период Великой экономической депрессии в 1930-х годах). Сохранение различных (хотя и неполных) форм металлического стандарта являлось полезным самоограничением денежной эмиссии, в те времена, когда правительства и недавно созданные центральные банки еще не научились заниматься денежно-кредитным регулированием в принципиально новых условиях масштабной фидуциарной эмиссии. Металлический денежный стандарт, пусть даже в его урезанном виде (золотослитковый и золото-девизный стандарты) дисциплинировали национальные денежные власти, препятствовал чрезмерной фидуциарной эмиссии. Не случайно, что за прекращением властями США размена долларовых авуаров иностранных центральных банков на золото по фиксированной цене последовал безудержный и не прекращающийся по сей день рост внешнего долга США, угрожающий разрушить основы современной мировой валютной системы.

Что касается доверия к кредитным деньгам и к банковской системе со стороны участников рынка, без которого их функционирование невозможно, то такое доверие формируется тоже не сразу и до поры до времени нуждается в подкреплении гарантированным обменом кредитных денег на реальные ценности по твердой цене. Преимущество товарных денег, с точки зрения защиты интересов участников рынка, заключается в том, что держатели таких денег даже в случае краха денежной и кредитно-банковской системы, полного разрушения институтов государства, смогут употребить эти специфические товары если не в качестве денег, то хотя бы как продукты труда, обладающие полезными потребительскими свойствами. Это свойство товарных денег выгодно отличает их от денег кредитного происхождения, ценность которых в случае серьезных экономических и геополитических катаклизмов может быть полностью утрачена. На меня в свое время глубокое впечатление произвело признание одного знакомого швейцарского банкира — владельца крупного семейного состояния и одновременно старшего управляющего одного из ведущих коммерческих банков в Цюрихе. Этот человек поделился со мной (дело было в начале 1990-х годов), что некоторую часть своих накоплений он держит в золотых слитках, причем не в банке на металлических счетах или в сейфовой ячейке, а в буквальном смысле слова зарытыми в землю на приусадебном участке — на случай, если рухнет современная банковская система. И ведь золото «под яблоней» продолжал закапывать не простой человек, а потомственный аристократ с блестящим образованием, старший управляющий банка!

Часть II. ОГРАНИЧЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

*Если сам вам шаги дал,
Как могу остановить я
В грудь влетающий металл,
Кровопротитье, кровопротитье?*

*(Из песни де Тревия в советском музыкальном фильме
«Д'Артаньян и три мушкетера»)*

Современные коммерческие (или депозитные) банки (по российскому законодательству, кредитные организации) представляют собой такую разновидность финансовых посредников, которые могут одновременно осуществлять две главные функции: (1) открывать клиентам счета и принимать деньги во вклады; (2) предоставлять клиентам кредиты. Выполнение банками этих двух функций постепенно сделало их уникальными предприятиями, занимающими в жизни современного общества совершенно особое положение, полное противоречий и парадоксов. С одной стороны, депозитные банки, как никто из других участников рынка, подвержены строгому формальному регулированию, иногда принимающему формы мелочной, дотошной опеки со стороны властей – рыночная свобода банков сильно ограничена. С другой стороны, общество попало в сильнейшую зависимость от банков и превратило их в своеобразных «священных животных», создав беспрецедентные гарантии (юридические или фактические) кредиторам и вкладчикам банков. Эти особые отношения между коммерческими (депозитными) банками и государством являются следствием и проявлением острейшего противоречия между частной капиталистической формой собственности на банки и общественным характером их деятельности. Общественный характер деятельности банков заключается в их влиянии на общественные интересы и в использовании банками фактических общественных гарантий исполнения обязательств перед кредиторами. Ситуации, когда прибыли банков «приватизируются», то есть достаются их владельцам и менеджерам, а убытки «национализируются», то есть покрываются налогоплательщиками, и рождают в обществе протестные настроения против банков. Особые отношения властей с банками вызваны, по-видимому, двумя главными отличительными чертами банковской деятельности. Во-первых, коммерческие (депозитные) банки занимаются денежной эмиссией, а значит, самым непосредственным и существенным образом влияют на имущественные интересы всех членов общества через денежное обра-

щение и инфляцию. Во-вторых, социально-экономические и политические последствия банкротств (неплатежеспособности) даже отдельных крупных банков, не говоря уже о последствиях системных банковских кризисов, оказываются неприемлемыми для общества (по крайней мере, для правящих элит).

Поясним эти утверждения подробнее, начав с влияния коммерческих (деPOSITных) банков на денежное обращение и инфляционные процессы. Мы уже отмечали, что способность банков предоставлять клиентам кредиты и при этом привлекать денежные средства на счета и во вклады (депозиты) позволяет им заниматься денежной эмиссией (дополнительно к денежной эмиссии, которую осуществляет центральный банк). Для того чтобы предоставить клиенту кредит, коммерческому банку не обязательно нужно вначале привлечь заемные денежные средства от других клиентов, вкладчиков и кредиторов. Банк может просто зачислить деньги на расчетный счет клиента в процессе выдачи кредита. Эта операция будет сопровождаться бухгалтерскими проводками «дебет ссудного счета клиента, кредит расчетного счета клиента» в учете банка, и денежные средства в виде долговых обязательств банка будут созданы, эмитированы самим банком. Коммерческие банки эмитируют денежные средства в процессе кредитования. Увеличение кредитных требований банков сопровождается ростом денежной массы в обращении, уменьшение кредитных требований — сокращением денежной массы. Если бы не законодательные нормы и не регулирование со стороны денежных властей, имеющие своей целью ограничение кредитной экспансии коммерческих банков (и, соответственно, ограничение роста денежной массы), то естественным ограничителем денежной эмиссии выступали бы затруднения с переводом денежных средств из одного банка в другой. До тех пор, пока банк обслуживает коммерческий оборот среди собственных клиентов, не совершающих платежей за пределы этого банка, он может беспрепятственно наращивать объемы кредитных операций, сопровождающихся увеличением долговых обязательств банка — при условии, что клиенты принимают эти долговые обязательства в качестве приемлемого для себя средства платежа и средства накопления.

Не случайно, мечта каждого коммерческого банка — приобрести такую клиентскую сеть, которая бы охватывала как можно большее число производственных и коммерческих цепочек от конечного производителя до конечного потребителя товаров и услуг, чтобы денежные расчеты производились внутри банка, не выходя за его пределы. При современных банковских технологиях такие платежи осуществляются в основном через расчетные клиентские счета. Однако если бы

коммерческим банкам по-прежнему, как и двести лет назад, разрешали выпускать банкноты, то они бы и этим активно занимались — точно так же, как в настоящее время (например, в 1990-е и 2000-е годы в России) они занимаются выпуском собственных векселей с использованием их в расчетах между клиентами. А что банку делать, если клиент дает ему поручение осуществить платеж в пользу лица, которое имеет счет в другом банке? Здесь уже возникает проблема признания депозитными банками взаимных долговых обязательств или проблема погашения межбанковских долговых обязательств поставкой (переводом) таких активов (имущества, в том числе долговых обязательств третьих лиц), которые признаются рынком в качестве приемлемого платежного средства. Проиллюстрируем сказанное на условных примерах.

Начнем с примера, показывающего расчеты между клиентами одного и того же коммерческого банка. Пусть бухгалтерский баланс Банка 1 выглядит следующим образом (в условных денежных единицах):

Таблица 10

Бухгалтерский баланс Банка 1: исходное состояние

Активы		Пассивы	
Денежные средства в центральном банке	20	Задолженность перед клиентами по расчетным счетам и депозитам	60
Кредитные требования к клиентам	80	Собственные средства (капитал)	40
Итого:	100	Итого:	100

Предположим далее, что в связи с потребностями коммерческого оборота Банк 1 увеличивает объем кредитования клиентов на 10 условных денежных единиц, и его бухгалтерский баланс приводится к следующему состоянию:

Таблица 11

Бухгалтерский баланс Банка 1 после прироста кредитов

Активы		Пассивы	
Денежные средства в центральном банке	20	Задолженность перед клиентами по расчетным счетам и депозитам	70
Кредитные требования к клиентам	90	Собственные средства (капитал)	40
Итого:	110	Итого:	110

На этом примере видно, что для предоставления новых кредитов Банку 1 не нужно ни расходовать запасов своих денежных средств на счетах в центральном банке, ни привлекать дополнительные денежные средства из-за пределов банка на счета и во вклады. Банк просто сделал запись на расчетных счетах своих клиентов в сумме 10 денежных единиц, увеличив общий размер своих долговых обязательств перед

клиентами с 60 до 70 денежных единиц. Одновременно на ту же сумму выросли кредитные требования (кредитный портфель) банка – с 80 до 90 денежных единиц. В результате Банк 1 эмитировал денежные средства в сумме 10 денежных единиц в виде записей на клиентских расчетных счетах. До тех пор пока клиенты будут использовать эти денежные средства для расчетов между собой «внутри банка», у банка не возникнет проблем с исполнением их платежных поручений. Расчеты между клиентами будут производиться переводом денег с одного клиентского расчетного счета на другой. Общая величина денежных средств на всех клиентских счетах Банка 1 будет расти по мере роста кредитного портфеля банка или уменьшаться при сокращении кредитных требований банка.

Теперь рассмотрим пример, в котором клиенты Банка 1 дадут этому банку поручение произвести платеж в пользу клиентов, имеющих расчетные счета в Банке 2, например, в сумме 30 условных денежных единиц. Допустим, что упрощенный бухгалтерский баланс Банка 1 накануне проведения этой операции оставался таким же, как в Табл. 11, а упрощенный бухгалтерский баланс Банка 2 имел такой вид:

Таблица 12

Бухгалтерский баланс Банка 2 перед проведением платежа в пользу клиентов

Активы		Пассивы	
Денежные средства в центральном банке	50	Задолженность перед клиентами по расчетным счетам и депозитам	40
		Собственные средства (капитал)	10
Итого:	50	Итого:	50

Выполнить платежное поручение своих клиентов и перевести в пользу клиентов Банка 2 сумму в 30 денежных единиц Банк 1, теоретически, может несколькими способами. Первый, самый «прямолинейный» (и самый распространенный в реальной практике) способ связан с переводом Банком 1 в пользу Банка 2 денежных средств, хранимых в центральном банке (то есть переводом «сильных денег», или «денег центрального банка»). В нашем примере таких денежных средств у Банка 1 всего 20 денежных единиц, поэтому, чтобы раздобыть недостающие 10 единиц, Банку 1 придется взять кредит в центральном банке. В таком случае движение денежных средств по клиентским счетам, открытым в пассиве балансов коммерческих банков, будет сопровождаться движением денежных средств по активным счетам этих банков, открытым в центральном банках. После перечисления клиентами Банка 1 в пользу клиентов Банка 2 суммы в 30 денежных единиц с соблюде-

нием упомянутого алгоритма расчетов бухгалтерские балансы банков примут следующий вид:

Таблица 13-А

Бухгалтерский баланс Банка 1 после проведения платежа

Активы		Пассивы	
Кредитные требования к клиентам	90	Задолженность перед клиентами по расчетным счетам и депозитам	40
		Задолженность перед центральным банком	10
		Собственные средства (капитал)	40
Итого:	90	Итого:	90

Таблица 13-Б

Бухгалтерский баланс Банка 2 после проведения платежа

Активы		Пассивы	
Денежные средства в центральном банке	80	Задолженность перед клиентами по расчетным счетам и депозитам	70
		Собственные средства (капитал)	10
Итого:	80	Итого:	80

Другой способ осуществления платежей между клиентами, имеющими расчетные счета в разных банках, связан не с движением денег центрального банка, принадлежащих коммерческим банкам, а с кредитованием банками друг друга. Другими словами, коммерческие банки договариваются между собой не погашать взаимную задолженность деньгами центрального банка, а иметь двустороннюю дебиторскую (кредиторскую) задолженность. В нашем условном примере это означает, что Банк 2 откроет Банку 1 кредит, и бухгалтерские балансы банков после осуществления платежа клиентами Банка 1 в пользу клиентов Банка 2 на сумму 30 денежных единиц, будут выглядеть так:

Таблица 14-А

Бухгалтерский баланс Банка 1 после открытия межбанковского кредита Банку 1

Активы		Пассивы	
Денежные средства в центральном банке	20	Задолженность перед клиентами по расчетным счетам и депозитам	40
Кредитные требования к клиентам	90	Задолженность перед Банком 2	30
		Собственные средства (капитал)	40
Итого:	110	Итого:	110

**Бухгалтерский баланс Банка 2 после открытия межбанковского кредита
Банку 1**

Активы		Пассивы	
Денежные средства в центральном банке	50	Задолженность перед клиентами по расчетным счетам и депозитам	70
Кредитные требования к Банку 1	30	Собственные средства (капитал)	10
Итого:	80	Итого:	80

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, как на практике работает механизм выпуска в обращение и изъятия из обращения современных денег. Этим деньгам потому и подходит определение «кредитные деньги», что они неразрывно связаны с банковским кредитом. Рост задолженности по банковским кредитам влечет за собой увеличение денежной массы в обращении (банковских долговых обязательств), а уменьшение задолженности по банковским кредитам приводит к сокращению денежной массы. Современные деньги — это долговые обязательства коммерческих (депозитных) банков и центрального банка. Реже — это еще и долговые обязательства государства в виде государственных казначейских билетов (как правило, разменная монета и мелкие купюры). В странах, где имеют хождение государственные казначейские билеты, центральный банк покупает их у государственного казначейства (министерства финансов) против зачисления денежных средств (долговых обязательств центрального банка) на счет казначейства, открытый в центральном банке. Затем центральный банк продает эти казначейские билеты коммерческим банкам наряду с продажей собственных банкнот.

Наши примеры показали также, что, с технической точки зрения, коммерческий оборот может обслуживаться коммерческими (депозитными) банками и без участия центрального банка (есть всё-таки рациональное зерно и в самых, казалось бы, «еретических» учениях, таких как «свободная банковская школа!»). Условие, при котором коммерческие банки могут наращивать свое кредитование одновременно с эмиссией долговых обязательств и не испытывать трудностей с осуществлением клиентских платежей — это неограниченное кредитование банками друг друга и отказ банков от «окончательного» урегулирования взаимных долгов поставкой какого-либо материального имущества или долговых обязательств третьих лиц (например, центрального банка или государства). Последнее допущение, на первый взгляд, может показаться, искусственным, несбыточным, невероятным.

Однако в истории немало примеров, когда события, казавшиеся прежде невероятными, всё-таки происходили, а фантастические проекты становились реальностью. Людям, жившим всего сто лет назад, в начале XX века, отказ от металлического денежного обращения казался невозможным. Отказ США в 1971 г. от обмена долларовых авуаров, принадлежащих иностранным центральным банкам, на золото по твердой цене, явилось настоящим шоком для мирового сообщества. Крушение золотодевизного стандарта, на котором держалась послевоенная Бреттон-Вудская международная валютная система, положило конец многовековой практике урегулирования трансграничных (международных) долговых обязательств поставкой золота или иных товаров. Таким образом, была открыта дорога для наращивания внешних суверенных долгов, и кризисы суверенного внешнего долга стали происходить регулярно.

Использование долговых обязательств американских депозитных банков, американского центрального банка и американского государственного казначейства, не разменных в товарно-материальные ценности по гарантированной цене, в качестве мировой резервной валюты — это ведь тоже очень спорное, связанное с огромными рисками решение. Оно выглядит, пожалуй, не менее «еретическим», чем гипотетическая возможность использовать долговые обязательства коммерческих банков без гарантии их размена на деньги центрального банка во внутринациональном денежном обороте. Почему национальные власти не отказываются от денег центрального банка, если это технически возможно? Прежде всего, потому, что не могут полностью возложить деликатную функцию денежной эмиссии на коммерческие банки из-за конфликта интересов у этих банков — в погоне за прибылью банки наводнят национальную экономику деньгами и спровоцируют гиперинфляцию. А почему национальные власти всех стран доверили не менее деликатную функцию эмиссии «мировых денег» правящим элитам США? Ведь у американских властей при осуществлении такой эмиссионной деятельности наблюдается конфликт интересов не меньший, чем у коммерческих банков? Этот вопрос мы пока оставим без ответа. Ограничимся признанием того, что общественное недовольство устройством современной международной валютной системы и гегемонией в ней доллара США нарастает, и вернемся к проблемам внутреннего, национального денежного оборота.

Мы убедились в том, что технически потребности коммерческого оборота могли бы обслуживаться исключительно деньгами коммерческих банков, но национальные власти не могут обойтись без существования центральных банков как органов денежно-кредитного регулирования.

ния, ограничивающих величину кредитной экспансии и денежной эмиссии. Собственники и руководители коммерческих банков, преследующие цель извлечения максимальной личной выгоды, ограничить кредитную экспансию собственных банков не в состоянии — такова природа человека. Мы также увидели на условном примере, что естественные ограничения кредитной экспансии у коммерческих банков возникают в связи с затруднениями в исполнении клиентских платежей за пределы банка. Когда Банк 2 не пожелал предоставить Банку 1 кредит, Банк 1 сумел исполнить платежное поручение своих клиентов исключительно путем получения кредита от центрального банка (см. Табл. 13-А). Если бы центральный банк отказал Банку 1 в предоставлении кредита, то этот коммерческий банк оказался бы неспособным исполнить клиентские платежные поручения, то есть фактически оказался бы неплатежеспособен.

Есть и еще одно важное естественное ограничение, сдерживающее кредитную экспансию коммерческих банков — право клиентов приобрести банкноты центрального банка на свои денежные средства, хранящиеся на счетах в коммерческих банках или, другими словами, право клиентов обменять долговые обязательства коммерческих банков на долговые обязательства центрального банка. Вернемся к нашему условному примеру, когда Банк 2 предоставил кредит Банку 1 в сумме 30 денежных единиц, что позволило Банку 1 исполнить платежное поручение клиентов без помощи центрального банка (см. Табл. 14-А и 14-Б). Но представим теперь, что клиенты обоих банков потребовали у своих банков продать им наличные деньги (банкноты центрального банка). Клиенты Банка 1 вправе обменять на наличные деньги 40 денежных единиц, хранящихся на их счетах, но Банк 1 имеет остаток на собственном счете в центральном банке лишь в сумме 20 денежных единиц. Клиенты Банка 2 вправе снять со своих счетов наличные деньги на сумму 70 денежных единиц, а их банк располагает лишь 50 единицами на своем счете в центральном банке. Налицо нехватка у двух коммерческих банков запасов денег центрального банка, чтобы удовлетворить заявку клиентов (у каждого из банков в отдельности дефицит денег центрального банка составляет 20 единиц, а у двух вместе — 40 единиц). Наши коммерческие банки либо должны будут признать свою неплатежеспособность, либо обратятся за получением кредитов в центральный банк. Допустим, что центральный банк удовлетворит кредитные заявки наших двух коммерческих банков в полном объеме и продаст им свои банкноты в нужном для банковских клиентов количестве. После этого бухгалтерские балансы коммерческих банков будут выглядеть следующим образом:

Таблица 15-А

Бухгалтерский баланс Банка 1 после получения помощи от центрального банка

Активы		Пассивы	
Кредитные требования к клиентам	90	Задолженность перед центральным банком	20
		Задолженность перед Банком 2	30
		Собственные средства (капитал)	40
Итого:	90	Итого:	90

Таблица 15-Б

Бухгалтерский баланс Банка 2 после получения помощи от центрального банка

Активы		Пассивы	
Кредитные требования к Банку 1	30	Задолженность перед центральным банком	20
		Собственные средства (капитал)	10
Итого:	30	Итого:	30

Современная практика государственного денежно-кредитного регулирования такова, что центральный банк не принимает на себя юридических и политических обязательств удовлетворять кредитные заявки коммерческих банков по пополнению коммерческого оборота деньгами центрального банка. У коммерческих банков есть право обратиться к центральному банку за кредитом, но нет гарантии получения кредита от центрального банка. В экономической литературе кредитование центральным банком коммерческих банков назвали выполнением центральным банком роли «кредитора в последней инстанции». Потому что к центральному банку коммерческие банки обращаются за кредитом в случаях, когда помощи ждать уже неоткуда, как к последней надежде, или к последней инстанции. Но важнее здесь не то, кто кого кредитует (ведь и коммерческие банки имеют кредитные требования к центральному банку в виде остатков денежных средств на их счетах в центральном банке или в виде запасов денежной наличности в кассовых узлах). Важно то, что деньги, имеющие обращение в современной экономической системе, неоднородны, а представлены долговыми обязательствами, как центрального банка, так и коммерческих банков (от государственных казначейских билетов мы абстрагируемся ввиду незначительности их роли в современных условиях). Именно параллельное обращение двух видов денег — денег центрального банка и денег коммерческих банков — и создает главное ес-

тественное ограничение для кредитной экспансии коммерческих банков. Если коммерческие банки создадут слишком много долговых обязательств, то они не смогут обменять их по требованию клиентов на деньги центрального банка — ведь центральный банк такой обмен не гарантирует. Деньги центрального банка неизбежно признаются участниками экономического обмена как долговые обязательства более надежные (то есть обладающие меньшим риском) по сравнению с деньгами коммерческих банков. Этим вызван и спрос на деньги центрального банка со стороны участников рынка, в первую очередь, со стороны населения, а также и со стороны коммерческих банков, желающих урегулировать взаимные долговые обязательства поставками денег центрального банка.

Однако денежные власти не полагаются только на «естественные», экономические ограничители роста кредитной экспансии коммерческих банков в виде ограничения их доступа к деньгам центрального банка. Ведь такое ограничение срабатывает только при наличии у коммерческих банков развитого чувства осторожности, опасений банкротства, инстинкта самосохранения. А на деле жажда наживы зачастую пересиливает соображения осторожности, заставляя коммерческие банки наращивать кредитные операции и денежную эмиссию с высоким риском неисполнения обязательств перед кредиторами по обмену собственных долговых обязательств на деньги центрального банка. Поэтому национальные денежные власти применяют еще и «искусственные», административные ограничители роста кредитных операций коммерческих банков путем установления различных законодательных, нормативных правил. Наиболее известным из таких правил являются обязательные резервные требования, о которых мы уже говорили в первой части наших очерков. В какой-то степени ограничивают кредитную экспансию банков и другие обязательные нормативы: норматив достаточности капитала, нормативы ликвидности. Наконец, вплоть до 1980-х гг. в некоторых странах с рыночной экономикой (например, во Франции и в Италии) денежные власти применяли и прямые ограничения роста кредитных портфелей, устанавливая волевым путем годовые лимиты прироста ссудной задолженности для коммерческих банков.

Представление о том, как в реальной жизни соотносятся между собой деньги центрального банка и деньги коммерческих банков в количественном отношении, дает статистика денежной массы и ее структуры. Так, согласно [Годовому отчету Банка России за 2011 год](#), денежная база в широком определении по состоянию на 1 января 2012 г. составля-

ла в России 8,6 трлн. рублей, а денежная масса M2—24,5 трлн. рублей. Денежная база в широком определении включает в себя следующие долговые обязательства Банка России в российской валюте: наличные деньги в обращении с учетом остатков в кассах кредитных организаций, остатки на корреспондентских счетах кредитных организаций в Банке России, обязательные резервы кредитных организаций в Банке России, депозиты кредитных организаций в Банке России и облигации Банка России у кредитных организаций. Денежная масса M2 включает в себя наличные деньги в обращении вне банковской системы (M0), безналичные средства нефинансовых организаций в кредитных организациях и вклады населения в кредитных организациях. Таким образом, денежная база — это и есть деньги центрального банка, а чтобы измерить величину денег коммерческих банков, нужно из M2 вычесть M0. M0 на 1 января 2012 г. составляла 5,9 трлн. рублей — следовательно, долговые обязательства кредитных организаций, включаемые в расчет денежной массы M2 (деньги коммерческих банков), составляли 18,6 трлн. рублей ($24,5 - 5,9 = 18,6$). Каково было количественное соотношение между деньгами коммерческих банков и деньгами центрального банка? Безналичная часть денежной массы M2 (деньги коммерческих банков) была в 2,2 раза больше денежной базы в широком определении. Но поскольку именно M2 измеряет совокупный платежеспособный спрос в экономике (взаимные долговые обязательства между центральным банком и коммерческими банками «сворачиваются» на уровне консолидированного баланса всей банковской системы), то корректнее сравнивать количественные параметры денег коммерческих банков не со всей денежной базой, а с наличными деньгами в обращении вне банковской системы (M0). На 1 января 2012 г. безналичные средства, входящие в состав M2 (деньги коммерческих банков) в 3,2 раза превышали величину наличных денег в обращении (денег центрального банка, входящих в состав M2).

Каким образом современные центральные банки регулируют величину денежной массы в обращении? Путем управления эмиссией собственных долговых обязательств — то есть управления количественными параметрами денежного предложения, или другими словами, денежной базой в широком определении. Центральные банки могут достаточно жестко управлять величиной денежной базы путем совершения активных операций — с коммерческими банками-резидентами, с правительством (государственным казначейством), с нерезидентами (иностранными центральными и коммерческими банками, иностранными правительствами). Существует очень простая арифметическая формула, вытекающая из структуры баланса любого центрального банка (эта формула справедлива по состоянию на каждую дату):

*Денежное предложение =
Чистые иностранные активы + Чистые внутренние активы;*

где:

Денежное предложение = денежная база в широком определении = наличные деньги в обращении с учетом остатков в кассах коммерческих банков, остатки на корреспондентских счетах коммерческих банков в центральном банке, обязательные резервы коммерческих банков в центральном банке, депозиты коммерческих банков в центральном банке, облигации центрального банка у коммерческих банков;

Чистые иностранные активы = требования центрального банка к нерезидентам (включая международные резервы и иные, менее ликвидные активы в иностранной и национальной валюте) за вычетом обязательств центрального банка перед нерезидентами;

Чистые внутренние активы = требования центрального банка к резидентам (к правительству, коммерческим банкам, иные требования) за вычетом обязательств и иных пассивов центрального банка (за исключением обязательств центрального банка, включаемых в расчет денежной базы в широком определении).

Поскольку способность коммерческих банков заниматься кредитованием и эмитировать свои долговые обязательства зависит от величины денежного предложения (эта зависимость не строгая, но она существует), то динамика денежной массы М2 (характеризующая величину платежеспособного спроса в экономике, влияющего на уровень товарных цен), следует за динамикой денежной базы. Отношение денежной массы к денежной базе называют денежным мультипликатором, который является величиной не постоянной, а переменной. В России по состоянию на 1 января 2012 г. величина денежного мультипликатора (отношение М2 к денежной базе в широком определении) равнялось приблизительно 2,8 (24,5 трлн. рублей / 8,6 трлн. рублей = 2,8). Ну, а динамика денежной массы, в свою очередь, влияет на инфляционные процессы (зависимость опять-таки нестрогая, непростая и неоднозначная, но она реально действует).

Итак, мы убедились в том, что кредитная деятельность коммерческих банков сопровождается денежной эмиссией, и через инфляционные процессы оказывает значительное влияние на имущественные интересы людей, социально-экономические и политические процессы в обществе. Этот феномен во многом объясняет пристальное внимание и усиленное регулирование деятельности банков со стороны государства. Но есть и еще один важнейший канал влияния коммерческих банков на интересы общества — через риски неплатежеспособности банков. Современные крупные универсальные банки имеют масштабные долговые обязательства перед таким числом деловых партнеров и клиентов из различных секторов, сегментов и отраслей экономики, что

финансовый крах даже отдельных банков приводит к чрезвычайно болезненным социально-экономическим последствиям. А поскольку неплатежеспособность отдельных банков, как правило, приводит к рыночной панике и подрыву доверия общества к институту банковского посредничества в целом, то власти панически боятся допустить банкротство даже отдельных сколько-нибудь значимых банков из-за угрозы всеобщего экономического коллапса. Потери от банковских кризисов становятся неприемлемыми для общества, и государства стремятся эти кризисы предотвращать любой ценой.

Для продолжения анализа будет полезно уточнить, что вообще следует понимать под неплатежеспособностью банков. В обыденной речи под неплатежеспособностью понимают неспособность банка исполнить принятые им обязательства на условиях, предусмотренных договорами с клиентами, кредиторами, вкладчиками и прочими деловыми партнерами — контрагентами по сделкам. Например, неспособность банка обменять клиенту (держателю счета, вкладчику) его безналичные денежные средства на банкноты центрального банка. Или неспособность выполнить платежное поручение клиента о переводе его безналичных денежных средств в другой банк. Или неспособность погасить задолженность по кредитам и прочим долговым обязательствам путем поставки кредиторам долговых обязательств третьих лиц и иного имущества (например, денег центрального банка, долговых обязательств нерезидентов в иностранной валюте). В литературе проводят различие между фундаментальной неплатежеспособностью банка (по-английски, *insolvency*) и его неплатежеспособностью в связи с неликвидным состоянием (по-английски, *illiquidity*). Фундаментальную неплатежеспособность связывают с утратой банком собственных средств (капитала). Неплатежеспособностью в связи с неликвидным состоянием называют неспособность банка исполнить обязательства с наступающими сроками погашения по причине невозможности быстро реализовать банковские активы — хотя бы стоимость этих неликвидных активов и с лихвой превышала величину банковского долга. В реальной рыночной практике непосредственной причиной, «триггером» банкротств коммерческих банков почти всегда служит отсутствие ликвидности. Не смог расплатиться с контрагентом, допустил дефолт по обязательствам, значит, закрывайся, признавай себя банкротом, если никто не поможет деньгами в долг. Однако за проблемами ликвидности у коммерческих банков часто скрывается обесценение стоимости их активов, утрата банками капитала. В подавляющем большинстве случаев в процессе ликвидации банков, утративших ликвидность, или в ходе их вынужденного приобретения новыми собственниками в целях предотвращения банкротства, у таких банков выявляются фундаментальные проблемы с утра-

той капитала. Достаточно редко случается, чтобы центральный банк или другие коммерческие банки не дали испытывающей трудности с ликвидностью кредитной организации денег взаймы, если они уверены в ее фундаментальной платежеспособности. Есть капитал — чаще всего получишь деньги взаймы если не от клиентов, то от других коммерческих банков, а если не от этих банков, так от центрального банка как от кредитора в последней инстанции.

Современная банковская система вообще устроена так, что коммерческие (депозитные) банки в целом, как её сегмент, неликвидны в том смысле, что без кредитной поддержки центрального банка не способны исполнить свои долговые обязательства при одновременном массовом предъявлении кредиторами требований по исполнению банками обязательств с наступающими сроками погашения. Потому что средний срок, остающийся до погашения кредитных требований (реализации активов) у коммерческих банков, как правило, всегда длиннее срока исполнения контрактных обязательств банков. Коммерческие банки «удерживаются на плаву» по ликвидности исключительно из-за того, что в отсутствие массовой паники на рынках кредиторы, вкладчики и клиенты не совершают «набеги» на банки. То есть кредиторы не используют свои права по обмену безналичных денежных средств в коммерческих банках на банкноты центрального банка, а также не занимаются масштабными переводами денежных средств из одного банка в другой. Ну, а если такая паника на рынках наступает, то центральные банки (если не хотят допустить системного банковского кризиса), увеличивают денежное предложение, пополняя своими деньгами каналы денежного обращения и подпитывая тем самым коммерческие банки ликвидностью. Поэтому управление ликвидностью банковской системы — процесс давно и хорошо отлаженный после банковских катастроф 1930-х гг. Рыночные регуляторы озабочены сейчас, прежде всего, не вопросами риска ликвидности, а проблемой достаточности у коммерческих банков капитала для исполнения ими обязательств в условиях подверженности банков другим видам рисков — прежде всего, кредитному, рыночному и операционному рискам. Не случайно, что в последние десятилетия все новшества в государственном регулировании банковской деятельности («Базель-1», «Базель-2» и «Базель-3») касались преимущественно вопросов достаточности у банков капиталов для «поглощения» рисков обесценения активов.

Банки — источник повышенной опасности для общества из-за того, что они выполняют функцию финансовых посредников в экономике, и неисполнение банками долговых обязательств может повлечь за собой через «эффект домино» («эффект карточного домика») цепочку

«обвального» неисполнения взаимных долговых обязательств другими многочисленными экономическими агентами, потому что все они являются клиентами банков. Чем крупнее масштаб деятельности банка, тем в большую зависимость от финансового благополучия этого банка попадают другие члены общества. Отсюда и стремление государств, правящих элит любыми средствами предотвращать банковские банкротства, наглядно продемонстрированное практически во всех ведущих странах мира во время кризиса 2008–2009 гг. Принцип «слишком большой, чтобы обанкротиться» (по-английски, *too big to fail*), который еще несколько десятилетий назад проявлялся в виде единичных прецедентов, стал соблюдаться, почти как норма. Спасение фундаментально неплатежеспособных, утративших капитал коммерческих банков, за счет финансовой помощи государства (то есть за счет налогоплательщиков), стало обычной практикой.

Роль и место банков в экономике, их взаимоотношения с обществом прошли длительную эволюцию за несколько веков, и разительно изменились даже на памяти действующего поколения профессионалов — банковское дело еще в относительно недавние 1960-е и 1970-е годы сильно отличалось от того, что мы наблюдаем сейчас. Иначе было построено и государственное регулирование банковской деятельности. Попробуем разобраться в том, что именно произошло и почему. Государство во все времена регламентировало банковскую деятельность, но делалось это по-разному. В эпоху металлического денежного стандарта и до предоставления центральным банкам монопольного права эмиссии банкнот устанавливались количественные ограничения на размер фидуциарной эмиссии в зависимости от величины золотого или серебряного запаса у банков. Уже в XIX веке действовала по существу лицензионная система учреждения банков. Причем во многих странах власти поощряли присутствие на рынке банков в виде командитных товариществ, обществ с неограниченной ответственностью, в которых собственники отвечали по обязательствам банков всем своим личным имуществом. Учреждение банков в форме обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ до поры до времени сдерживалось регуляторами рынка. Тем самым власти добивались соблюдения принципа личной ответственности банкиров (в те времена собственники банков, как правило, были одновременно банковскими директорами и управляющими) за надлежащее ведение дел, поощряли разумную осторожность. И хотя с начала XX века, под давлением необходимости быстрого роста банковского капитала акционерные общества стали доминировать на рынке банковских услуг, банковское дело в целом вплоть до 1980-х годов оставалось в значи-

тельной мере персонифицированным, построенным на доверии между деловыми партнерами и на близком, глубоком знании ими друг друга. «Кредит» в переводе с латыни означает «доверие», и люди на протяжении многих веков не могли себе представить, как можно раздавать кредиты, не зная заемщика и не испытывая к нему личного доверия (если только речь не идет о ломбардном деле, где заимодавец практически не принимает на себя кредитного риска). Точно так же клиенты выбирали банк для хранения своих сбережений и для совершения других видов банковских операций на основании личного знания собственников и управляющих, по рекомендации хороших знакомых и просто заслуживающих доверия людей, по семейной традиции.

Вообще услугами банков вплоть до середины XX пользовалась меньшая часть населения промышленно развитых стран. Иметь личный счет (вклад) в банке было показателем жизненного успеха и материального благополучия. Банки обслуживали избранный круг людей, преимущественно представителей высшего и верхушки среднего класса, где люди знали друг друга, по крайней мере, в пределах своего регионального, профессионального и социального круга общения. Недаром среди завсегдатаев традиционных английских клубов бытовала поговорка, что настоящий джентльмен меняет банк реже, чем жен (с женами тогда разводились тоже крайне редко, но выбор одного и того же банка мог происходить по семейной традиции от отца к сыну). Остатки такой трогательной лояльности в отношениях между банками и клиентами сохранялись еще очень долго. Более того, власти большинства стран вплоть до 1980-х гг. поддерживали модель банковского дела, основанную на тесных и долговременных отношениях между банками и клиентами, на их взаимном знании и взаимном доверии. Именно по этой причине формирование банков с общенациональным присутствием на рынке через широкую филиальную сеть длительное время искусственно ограничивалось, тормозилось властями во многих странах Европы и в США. Ведь внутри региона (американского штата, германской земли, французской или итальянской провинции) деловые люди одного круга намного лучше знают друг друга, чем людей за пределами своего привычного места обитания. Чем банк и клиенты лучше знают друг друга, тем при прочих равных условиях они более умело управляют кредитным риском, тем меньше вероятность банковских крахов. Кроме того, банки с общенациональным (а тем более международным) присутствием по определению крупнее, значимей по масштабам своих операций, а значит, последствия их неплатежеспособности будут тяжелее для общества. Чтобы уменьшить зависимость общества от финансового состояния банков и бороться с принципом «слишком

большой, чтобы обанкротиться», власти долгое время искусственно тормозили процесс концентрации капитала в банковской системе, препятствовали банковским слияниям и поглощениям. В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны во многих странах Западной Европы крупные коммерческие банки общенационального значения были представлены лишь государственными банками, операции которых напрямую контролировались правительствами.

Вплоть до 1980-х годов национальные власти проводили политику сегментирования банковского дела не только по региональному, но и по отраслевому, секторальному, операционному принципу. Например, была распространена практика ограничений или даже полного запрета на операции коммерческих (депозитных) банков с акциями, применялось регулятивное разграничение между коммерческими (депозитными) банками краткосрочного кредитования и специализированными финансовыми институтами средне- и долгосрочного кредитования, не имевшими права открывать клиентам счета. Существовали иные виды специализированных банков, операции которых ограничивались по видам сделок, отраслевой, секторальной или географической структуре заемщиков. Таким образом, рыночные регуляторы применяли методы прямого ограничения кредитного и рыночного рисков в банковском секторе. Они не делали акцент на установление сложных, изолированных нормативных показателей для коммерческих банков, не пытались количественными методами измерить банковские риски, а применяли прямые запреты банкам заниматься определенными видами деятельности, связанными с повышенным риском. Нормы банковского регулирования в 1960-е и 1970-е годы были намного проще, примитивнее, чем сейчас, но зато добиваться их соблюдения было намного легче как самим банкам, так и органам банковского надзора. Например, вместо сложных, изолированных нормативов достаточности капитала, рекомендованных Базельскими соглашениями (начиная с «Базеля-1» от 1988 г. – и чем дальше, тем сложнее), применялся до примитивности простой и одновременно исключительно эффективный в условиях действия прямых государственных ограничений на банковские операции показатель финансового рычага, или финансового плеча (отношение капитала банка к его обязательствам, по-английски *leverage*). При этом банковских крахов, банкротств в 1950-е–1970-е годы было на порядок меньше, чем в 1990–2000-х годах.

С 1980-х годов на Западе начался процесс, получивший в литературе название банковского «дерегулирования». На самом деле, этот термин не совсем точен. Государственное регулирование банковской деятельности сохранилось, но изменило свои формы. На смену прямым

государственным ограничениям кредитного и рыночного риска (путем применения запретов на занятие банками определенными видами деятельности, сегментирования банковской системы) пришли косвенные ограничения в виде установления многочисленных норм и правил, обязательных или рекомендованных банкам для исполнения. Эти новые правила игры в общих чертах окончательно утвердились в 1990-е годы, по ним банки продолжают жить и в настоящее время. Власти постоянно видоизменяют правила, занимаясь их «тонкой настройкой», но принципы регулирования остаются неизменными — никаких прямых ограничений и никакой сегментации, поощрение развития крупных универсальных банковских институтов с общенациональным и даже глобальным присутствием на мировых финансовых рынках. Сами коммерческие банки в большинстве своем также изменили подходы к работе. От построения своей деятельности на базе долговременных отношений с клиентами и досконального знания их бизнеса, банки все больше стали ориентироваться на совершение сделок с любыми контрагентами. На место глубокого изучения особенностей деловой культуры и жизненных обстоятельств каждого индивидуального заемщика пришла система поверхностной и достаточно формальной оценки их платежеспособности. Вместо собственной экспертизы банки начали в возрастающей степени полагаться на кредитные рейтинги независимых агентств и формализованные системы оценки вероятных потерь по кредитному и рыночному риску, основанные на статистико-математических методах. По сути, многие банки стали переходить на портфельный, вероятностный подход к управлению активами и рисками, в котором нет место таким «сентиментальным» понятиям, как доверительные долгосрочные отношения с клиентами — сделали сделку и разбежались. Возникла и приняла поистине гигантские масштабы практика переуступки банками кредитных и рыночных рисков путем совершения сделок с производными финансовыми инструментами (финансовыми деривативами). Фактически стерлись границы и различия между некогда регулятивно отделенными друг от друга специализированными банковскими институтами. Банки стали универсальными, и для их операций открыты все отрасли, сегменты и сектора национальной и мировой экономики — в 1990–2000 гг. в большинстве стран мира были демонтированы государственные валютные ограничения и государственный контроль над движением капиталов.

Столь разительные изменения в банковском секторе экономики произошли в результате эволюции всей системы мирового капитализма после 1970-х гг. Банки существуют не сами по себе, а встроены в экономическую и политическую жизнь общества, и неизбежно меня-

ются вместе с ним. Можно указать на ряд факторов, событий и обстоятельств, способствовавших изменению облика банковского дела. *Во-первых*, окончательная отмена в 1971 г. металлического денежного стандарта (его ограниченной золотодевизной формы) способствовало снижению финансовой дисциплины в межгосударственных и вообще трансграничных кредитных операциях, к стремительному накоплению внешнего и внутреннего долга государств и банков. *Во-вторых*, по мере повышения уровня жизни населения в экономически развитых странах увеличились денежные накопления в секторе домашних хозяйств и одновременно их задолженность перед банками. В настоящее время люди на Западе, не имеющие опыта работы с банками по привлечению кредитов или хотя бы по открытию банковского счета, составляют абсолютное меньшинство, в то время как еще полвека назад картина была принципиально иной. Действие перечисленных двух факторов привело к количественному росту банковских операций, а количественные изменения, как известно, часто влекут за собой изменения качественные.

Наконец, *в-третьих*, в рамках процесса глобализации экономики, вовлечения в мировое капиталистическое хозяйство материальных и людских ресурсов развивающегося мира и стран бывшего социалистического лагеря, правящие элиты Запада стали переносить индустриальную базу в страны с более дешевой и менее притязательной, в том числе в вопросах охраны труда и защиты окружающей среды, рабочей силой. Вместо «грязных» и «шумных» массовых производств с низким удельным весом добавленной стоимости в цене выпускаемой продукции на освобожденной территории стали развиваться не только наукоемкие и высокотехнологичные отрасли промышленности, но и, прежде всего, сфера услуг, в том числе финансовых. Развитие отрасли финансовых услуг, в которых банки занимают ведущее место, стало особенно актуальным для стран, имеющих хронический дефицит по текущему счету платежного баланса и растущий внешний долг, например, для США. Чтобы сохранить мотивации для иностранных держателей долларовых активов продолжать финансирование американского внешнего долга, властям США было необходимо создать и поддерживать мощную и технически совершенную инфраструктуру финансовых рынков с беспрецедентными возможностями для инвестирования финансовых активов. Сегментированная банковская система США, установившаяся после Великой депрессии 1930-х гг., с ее регулятивной «китайской стеной» между депозитными банками и фондовым рынком, с доминированием мелких провинциальных депозитных банков, ссудно-сберегательных ассоциаций и кредитных союзов для «заманивания» иностранных финансовых ин-

весторов явно не годилась. Она, возможно, отвечала целям сохранения финансовой устойчивости на макро- и на микроуровне, способствовала развитию торговли, промышленности, сельского хозяйства страны за счет внутренних источников финансирования, но не была «заточена» под нужды так называемого «постиндустриального общества», живущего за счет постоянного и растущего использования материальных ресурсов из внешнего мира.

Как только правящие элиты на Западе завершили полную либерализацию национальных банковских систем, отказавшись от метода прямых ограничений банковских рисков, они «выпустили джинна из бутылки». Не случайно эпиграфом к данному разделу брошюры выбраны слова из песенки де Тревиля, персонажа известного романа Дюма, а заодно популярного телевизионного мюзикла. Власти раздали банкам разящее, смертельное оружие в виде свободы совершать любые виды операций внутри страны и на мировом рынке. Можно ли после этого «остановить кровопролитие» в форме резко возросшей нестабильности национальных банковских систем и мировой финансовой системы в целом? Свобода опьянила менеджеров и собственников банков, потому что создала невиданные доселе возможности быстрого обогащения в банковском и финансовом деле, многократно усилила их природную жадность и стремление к наживе. Поощряемая алчность заставила забыть о разумной осторожности в управлении рисками, устранила морально-этические ограничения, чувство личной ответственности перед клиентами и деловыми партнерами. Поэтому смена деловой культуры в банках от принципа установления долговременных и доверительных человеческих отношений к обезличенному совершению массовых сделок произошла не случайно. С одной стороны, новая бизнес-модель снижает трудоемкость и себестоимость текущих банковских операций, поскольку индивидуальный подход к клиенту и тщательная, «трепетная» оценка банковских рисков заменяется системой массового обслуживания с использованием формализованных методов. С другой стороны, если не принимать эмоционального участия в делах клиентов и контрагентов, не сближаться с ними, то меньше будет мучить совесть в случае причинения им неприятностей, когда банк обанкротится сам или будет банкротить клиента (по принципу «бизнес, ничего личного»).

Вместе с изменением модели банковского бизнеса менялся также менталитет банковских управляющих, критерии оценки их профессиональных качеств. До 1980–1990-х гг. банки рассматривались обществом и сами себя позиционировали в качестве компаний особого рода. В банковских управляющих ценилось, прежде всего, умение обеспечить финансовую стабильность вверенных им организа-

ций в долгосрочной, стратегической перспективе, сохранить акционерный капитал, и, конечно же, привлеченные от кредиторов и вкладчиков заемные средства. Умение управлять рисками, осторожность, умеренность рассматривались в качестве главных профессиональных добродетелей. Девизом банкиров старой школы можно было бы выбрать слова Германа из пушкинской «Пиковой дамы», пока этот литературный герой еще не успел пристраститься к азартным играм: «Я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». В современную же эпоху банки по своей деловой культуре превратились в стандартные капиталистические компании, ставящие своей главной целью рост стоимости акционерного капитала через увеличение рыночной доли, объема продаж продуктов и снижение себестоимости операций. Учет фактора банковских рисков рассматривается банкирами нового поколения как досадное, навязанное регуляторами рынка обременение предпринимательской и управленческой деятельности. Справиться с таким обременением банки стараются «малой кровью», с наименьшими затратами — путем демонстрации властям формального соблюдения установленных законов и норм. Долгосрочное, стратегическое мышление в банках уступило место оппортунистическому поведению, нацеленному на извлечение краткосрочной, но максимально возможной выгоды.

Этому способствовала концентрация капитала в банковской системе и доминирование в ней акционерных обществ с размытой структурой собственности. В составе акционеров крупных банков преобладают фонды коллективного инвестирования в основном спекулятивного толка, с горизонтом планирования инвестиций в акции банка на срок не более 5 лет. У спекулятивно настроенных собственников одна задача — любой ценой добиться быстрого роста рыночной стоимости акций банка или выплаты по ним дивидендов, а после этого «хоть трава не расти». Такие акционеры под свои нужды и потребности подбирают в банк соответствующих наемных управляющих, создают им систему мотиваций, нацеливающую на достижение краткосрочной выгоды. Личные доходы банковских управляющих среднего и особенно высшего звена за последние десятилетия выросли на порядок, намного опережая средние темпы роста доходов населения. Из людей просто с высоким достатком банковские менеджеры переместились в категорию богатых или даже очень богатых людей. В результате у них резко снизились стимулы к сохранению собственной деловой репутации, потому что им больше не нужно всю жизнь до пенсии демонстрировать работодателям безупречное поведение, чтобы поднять на ноги детей и обеспечить безбедную старость. Когда фиксированная часть зарплаты старшего банковского управляю-

щего в 20 раз превышает доходы представителей среднего класса, а зарплата вместе с бонусами — в 100 раз, то ему не нужно думать о будущем. Продержался на «хорошем месте» хотя бы год-другой — и можешь переезжать жить на какие-нибудь райские острова. И не беда, что политика банка рискованная, и что через 5–10 лет он неминуемо утратит платежеспособность — управляющему уже будет все равно, как и его бывшим работодателям, которые уже успеют продать свои акции. Самое любопытное, что даже кредиторы и вкладчики такого неуспешного банка не будут иметь особых претензий к управляющим и «требовать их крови» — ведь государство не допустит банкротства банка и удержит его на плаву. А то, что государство потратит деньги налогоплательщиков — так народ все стерпит. Если разложить эти расходы на душу населения, то вроде бы и не так заметно получается. Ну, и еще пострадают спекулятивно настроенные акционеры, которым не повезет, если они не успеют продать акции банка до обнаружения его неплатежеспособности — ведь государства обычно спасают деньги банковских кредиторов, но не акционеров. Однако такие потери заранее включены в рабочие планы и бюджеты спекулятивных инвесторов и пока не способны изменить их подхода к управлению своими инвестициями. При управлении диверсифицированным инвестиционным портфелем убытки по одним вложениям компенсируются доходами по другим.

Таким образом, усиливающаяся нестабильность мировой банковской системы является объективным следствием изменения фундаментальных подходов к организации и ведению банковского дела, которое наступило в результате процессов так называемого «дерегулирования» 1980–1990-х годов, когда была предпринята попытка распространить принципы экономического либерализма на деятельность коммерческих (депозитных) банков. Возникшая ситуация наполнена противоречиями и даже парадоксами. Начнем с того, что принципы экономического либерализма, то есть свободы рыночной конкуренции как не применялись «в чистом виде» раньше, так не применяются и сейчас. После глубочайшего экономического, финансового и банковского кризиса 1930-х годов политические власти в западных странах были так напуганы, что пошли на резкое ограничение свободы банковской деятельности из-за ее особой общественной значимости. И дело было не только в применении государством прямых запретов и ограничений на проведение банками различных операций. Государства уже тогда сделали шаг к подрыву принципов справедливой рыночной конкуренции путем введения системы страхования банковских вкладов физических лиц. Получалось, что банки больше не могли нормально, «по-честному» конкурировать между собой за привлечение денег индивидуальных вкладчиков. Банки, про-

водившие более ответственную, менее рискованную политику предлагали при прочих условиях не такие высокие процентные ставки по вкладам, как их менее осторожные конкуренты. И вкладчики могли перебежать к худшим банкам, потому что в пределах суммы страхового возмещения, практически гарантированного государством, их не интересовала надежность и деловая репутация банков. Власти пожертвовали принципами справедливой конкуренции и поощрения экономической эффективности ради достижения целей социальной стабильности. Но поскольку в современных условиях, по мере концентрации банковских операций в крупных банках и участившихся случаев неплатежеспособности таких банков, для поддержания социальной стабильности государствам зачастую приходится выручать уже не только индивидуальных банковских вкладчиков, но и всех остальных банковских кредиторов, принцип справедливой конкуренции в банковском секторе экономики подрывается окончательно.

Принцип рыночной свободы одновременно предполагает ответственность участников рынка за результаты их деятельности. Утратил платежеспособность — банкроться, уходи с рынка, отдай свою долю конкурентам с другими собственниками, менеджерами и (что немаловажно) другими рыночными брендами. Любое отступление от такого принципа означает нарушение канонов либеральной экономики. Поэтому так называемая либерализация банковской деятельности последних десятилетий была однобокой, односторонней, «ненастоящей». Она предоставила коммерческим банкам свободу заниматься практически любыми операциями, но еще в большей степени, чем прежде, освободила их от ответственности за результаты деятельности. Государство, общество берет на себя фактическую ответственность по обязательствам сколь угодно крупных и социально значимых банков, но не влияет на их политику хотя бы методом прямых ограничений кредитных и рыночных рисков. Другими словами, банки «замечательно устроились». Есть, правда, одно «но». Над коммерческими банками нависает система государственного регулирования и надзора, взаимодействие с которой связано для участников рынка с немалыми хлопотами, трудностями и расходами. Отказавшись от относительно простой для себя жизни, когда применялись прямые ограничения банковских рисков, рыночные регуляторы были вынуждены компенсировать потерю этого эффективного рычага влияния на банки многократным увеличением и усложнением норм косвенного регулирования банковской деятельности. Действующие сейчас правила и инструкции национальных органов банковского надзора, обязательные или рекомендуемые для соблюдения коммерческим банкам, смотрятся на фоне аналогичных норм двадцатилетней или,

тем более, тридцатилетней давности, как многотомный энциклопедический словарь в сравнении с «тонким» журналом или «толстой» газетой. По дотошности, тщательности, глубине погружения в проблемы банков современные рыночные регуляторы, пожалуй, намного превосходят своих предшественников прошлых лет. Вот только это не помогает им побороть возрастающую неустойчивость банковской системы, потому что стоящая перед регуляторами задача при заданных правилах игры не имеет решения («трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет»).

В 1990-е и особенно в 2000-е гг. система государственного банковского регулирования и надзора в целом доказала свою неэффективность практически повсеместно во всех странах, где власти не занимаются установлением прямых ограничений на банковские операции. Рыночные регуляторы не смогли заранее предупредить, предотвратить серьезные банковские крахи, и государства были вынуждены оказывать финансовую помощь неплатежеспособным банкам, чтобы избежать рыночной паники и перерастания банкротств отдельных банков в системный банковский кризис. Новые, интеллектуально изощренные нормы регулирования, известные под названием «Базель 2», показали свою крайне ограниченную полезность (а многие полагают, даже полную бесполезность) в условиях кризиса 2008–2009 гг. (и это при высокой дороговизне внедрения), а новейшие правила «Базель 3» уже заранее вызывает скепсис у специалистов. Детальный анализ действующих норм банковского регулирования не входит в наши задачи — ограничимся оценкой основных концептуальных ограничений эффективности банковского регулирования и надзора в сложившихся условиях.

Главное ограничение эффективности банковского надзора вытекает из самой природы банковских операций, которая объективно затрудняет оценку финансового состояния банков. Если предприятия промышленности, торговли, сельского хозяйства имеют дело преимущественно с материальными, «осязаемые» активами (материальным имуществом), то банки — с финансовыми активами. Финансовые активы — это либо долговые обязательства (безусловные и условные), либо долевые участия в капитале. Есть еще различного вида гибридные и производные финансовые инструменты (гибридные и производные от перечисленных двух основных видов финансовых активов). Если само наличие, существование, реальность материальных активов установить и проверить достаточно просто (пришел, посмотрел, пощупал, оценил), то с финансовыми операциями дела обстоят намного сложнее. Возьмем условный пример. Вася и Петя живут в небольшом городке, не имеют практически никакого имущества и очень мало зарабатывают. Но при

этом они взяли, да и обменялись друг с другом долговыми расписками, векселями в том, что Вася должен Пете 1 миллиард долларов США, а Петя такую же сумму должен Васе. Станут ли оба фигуранта нашей истории богаче от того, что обменяются такими «дружескими» векселями? Конечно, нет. Во-первых, потому что ни Вася, ни Петя не имеют возможности расплатиться по своим долгам. Во-вторых, они и намерения-то не имеют платить, а вся их сделка по созданию взаимных долговых обязательств была фиктивной, мнимой, притворной. Поэтому, хотя векселя Пети и Васи номинально являются финансовыми активами, они не имеют реальной стоимости. Но как постороннему наблюдателю понять, что эти векселя — «пустышки»? Соседи или сослуживцы Пети и Васи сразу скажут, что их векселя на 1 миллиард долларов — это шутка, фарс или мошенничество, потому что хорошо знают условия и обстоятельства жизни Пети и Васи. Если же Петя придет в чужой город, где его с Васей не знают, то он уже может попытаться выдать себя за богатого человека. Будет показывать всем принадлежащий ему вексель на миллиард, который ему выдал «сам Вася» и постарается под этот вексель взять в долг у доверчивых людей уже реальные деньги. Если такой авантюрист Петя придет за кредитом в банк, то профессиональные кредитные работники ему, скорее всего, откажут — проверят личные данные Пети и Васи, и вежливо попросят более не беспокоить. А вот непрофессионалы, новые знакомые Пети в другом городе, могут по доброте душевной или, польстившись на обещания высоких процентов, и дать ему денег взаймы. А теперь представим, что изготовлением векселей-пустышек, не имеющих реальной стоимости, занимаются не Петя с Васей, а банки, которые ставят эти финансовые активы себе в учет по номинальной стоимости, искусственно увеличивая балансовую стоимость активов и капитала. Разоблачить, «вывести на чистую воду» такие недобросовестные банки намного сложнее, чем условных Васю с Петей, потому что банковские операции могут быть намеренно запутаны и усложнены цепочками посредников (внешне выглядящих вполне респектабельно) и отвлекающих внимание, вводящих в заблуждение сопутствующих сделок.

Универсализация банков и снятие властями ограничений на совершение ими операций, во-первых, объективно повысила и усложнила риски банковской деятельности, во-вторых, создала для банков чрезвычайно сильные искушения и возможности для манипулирования финансовой отчетностью, в-третьих, усложнила содержательную интерпретацию операций банков, проверку достоверности их финансовой отчетности. Органам банковского надзора работать объективно трудно. Взять хотя бы такое традиционное и едва ли не главное для

рыночных регуляторов упражнение, как оценку достаточности капитала банков по базельским методикам, где определяется соотношение между двумя величинами — регулятивным капиталом коммерческого банка и стоимостью его активов, взвешенных по коэффициентам риска. Регулятивный капитал в значительной степени привязан к стоимости чистых активов банка, а стоимость чистых активов — это разница между стоимостью активов банка и его обязательствами. Стоимость активов, в свою очередь, оценивается с учетом их фактического обесценения и созданных под обесценение резервов. Определение величины обесценения — процесс «умственный», нестрогий, основанный на применении так называемого принципа профессионального суждения. Получается, что оценочная величина стоимости регулятивного капитала исчисляется на основе оценочной величины стоимости активов и напрямую зависит от последней. Погрешности и ошибки при исчислении стоимости активов автоматически приводят к аналогичным ошибкам в определении стоимости капитала. Получается, что при определении столь фундаментального, поистине судьбоносного для банков показателя, каким является достаточность капитала, сравниваются две неопределенности. Не правда ли, крайне зыбкая, дискомфортная ситуация для рыночных регуляторов? Взвешивание активов по коэффициентам риска, методика которого становится все более изощренной и призвана учесть вероятность еще не выявленных (не признанных) убытков банка, лишь усиливает неопределенность, или, по крайней мере, не увеличивает общей достоверности картины.

Можно также привести пример с влиянием на достоверность финансовой отчетности банков бурно развивающегося рынка производных финансовых инструментов (финансовых деривативов). Этот рынок буквально «расцвел пышным цветом» сразу же, как началось «дерегулирование» банковской деятельности (банки понять можно: если разрешили, и если это приносит прибыль, то почему бы и нет?). На первый взгляд, использование таких инновационных инструментов может показаться естественным и полезным для управления банковскими рисками, активами и обязательствами. Теоретически, деривативы позволяют банкам «делиться» рыночными и кредитными рисками друг с другом и с предприятиями небанковского сектора. Однако на практике такой «дележ» происходит в направлении общего увеличения рисков для банковской системы и усиления ее неустойчивости. Все дело в эффекте смешения, гибридации рисков, когда к рискам по базовому банковскому активу добавляется риск неисполнения обязательств контрагентом по деривативной сделке. Покупая, например, кредитный дефолтный своп или заключая форвардную валютную сдел-

ку, банк может ошибочно считать, что тем самым он уже защитил себя, соответственно от кредитного и валютного риска (да и регуляторы рынка чаще всего так думают), а на деле всё не так просто. Не исполняют контрагенты банка своих обязательств по деривативным сделкам — и банк примет на себя риски по базовым активам в полном объеме. Если бы не было возможности заключать деривативные операции, то и базовых активов банк, наверное, не приобрел бы в таких объемах, а так положился на неисполнителя контрагента — и получил убытки. Поэтому совершение банками деривативных операций способно создавать и у самих банков, и у регуляторов опасную иллюзию защищенности банковской системы от рисков, толкать банки на дальнейшее увеличение рисков по базовым активам с их страхованием через деривативы. Вот только при проявлении кризисных явлений в экономике и на финансовых рынках контрагенты банков по деривативным сделкам как-то уж очень дружно, в системном порядке оказываются не в состоянии исполнить свои обязательства, а банковская система в результате не способна выдержать риски по базовым активам.

За примерами далеко ходить не нужно. В 1998 г. практически все российские банки не смогли исполнить своих обязательств по форвардным валютным сделкам друг с другом и с банками-нерезидентами, потому что не смогли ничего получить со своих контрагентов по форвардным сделкам из небанковского сектора. Последствия для российских банков были катастрофическими. Они оказались в дефолте перед банками-нерезидентами по форвардным сделкам, а также с короткой долларовой позицией по валютному риску (накануне привлекали деньги займы в долларах, продавали их на рубли и размещали рублевые активы в корпоративные кредиты и в российские государственные облигации). А поскольку валютный курс рубля обесценился в августе-декабре 1998 г. в несколько раз, то убытки российских банков только вследствие валютного риска (формально застрахованного через деривативные операции) были, как говорится, «несовместимы с жизнью». Аналогичная ситуация с формальным, по сути фиктивным страхованием российскими банками валютного риска существовала, по единодушному мнению экспертов, и накануне кризиса 2008—2009 гг. В случае единовременной девальвации рубля более, чем на 10% в конце 2008 г., крупные российские банки утратили бы капитал из-за неисполнения деривативных валютных сделок контрагентами. Спасая банковскую систему, российские власти заранее публично объявили о готовящейся плановой девальвации национальной валюты и растянули процесс девальвации на несколько месяцев (пожалуй, беспрецедентный случай в мировой практике). Эти действия позволили российским коммерческим банкам

поменять рубли на иностранную валюту по приемлемому для себя курсу и закрыть свою открытую балансовую (без учета хеджирующих внебалансовых сделок) позицию по валютному риску. Государственные золотовалютные резервы сократились в результате этой операции на 100–150 млрд. долларов США. Аналогичным образом, на Западе в те же 2008–2009 гг. банки были вынуждены признать огромные убытки по кредитным операциям, риск по которым был формально застрахован через кредитные дефолтные свопы — деривативы опять не сработали.

Ошибки и погрешности банков при составлении финансовой отчетности носят не только добросовестный характер, когда банковские управляющие искренне заблуждаются относительно величины обесценения активов, оценки рисков и перспектив исполнения контрагентами обязательств. Среди банков (не только в России, но и во всем мире) широко распространена практика намеренного приукрашивания отчетности («творческой бухгалтерии»). В зависимости от степени шепетильности, добросовестности банков этот процесс может варьировать в широком диапазоне понятий от сравнительно невинной тенденциозности при вынесении профессионального суждения (всегда в свою пользу, но «в рамках приличий») до откровенной и масштабной фальсификации отчетности, полностью искажающей представление о финансовом положении банка по качественным критериям. Например, когда показывается чистая прибыль вместо очевидных убытков или достаточность капитала, хотя в действительности капитал утрачен. Могу сослаться и на собственный опыт. В середине 2000-х гг. в кругу банковских аналитиков, в котором я вращался, считалось, что в рамках применения профессионального суждения всегда существует «люфт» для разброса даже самых добросовестных оценок стоимости капитала банков. Чем сложнее структура операций банка и больше его финансовый рычаг (*leverage*), тем шире может быть диапазон добросовестных профессиональных суждений (например, в пределах +10% или –10% вокруг средней оценки). Из-за неизбежной тенденциозности профессионального суждения о самих себе даже самых честных банков эти 10% по абсолютной величине «почему-то» принимают нужный для банков знак — всегда в их пользу. В конце концов, стремление показать себя с лучшей стороны — естественное свойство человеческой натуры, и даже привычка немного прихвастнуть (если только немного) — всего лишь простительная слабость.

Но мы замечали, что многие банки были склонны приукрашивать свои показатели, выходя далеко за рамки профессионального суждения, прибегали к прямым бухгалтерским трюкам или, если называть вещи своими именами, к подлогам — причем этим не брезговали даже крупнейшие российские банки. Мы, например, исходили из того, что

фактическая величина собственных средств (капитала) крупных российских банков с частными собственниками в то время была в среднем процентов на 30 ниже, чем значилось в их официальной отчетности (не оспариваемой, кстати, ни внешними аудиторами, ни органом банковского надзора). Относились аналитики к этому факту спокойно (дескать, что делать — мир несовершенен, и люди несовершенны) и пытались судить о степени добросовестности банков не по абсолютным цифрам искажений, а сравнивая их поведение с другими участниками рынка. Если большинство банков данной конкурентной группы искажают капитальную базу в пределах 30%, значит таковы сейчас обычаи делового оборота, и это еще не так плохо. Искажение капитала до 50% (вдвое) мы рассматривали уже как действия на грани нарушения правил приличий, а фальсификацию больше, чем на 50% — как поведение совершенно неприемлемое для того, чтобы с таким банком иметь деловые отношения и принимать на него риски. К слову, в приведенных ранее примерах неисполнения контрагентами банков обязательств по форвардным валютным сделкам и кредитным валютным свопам в 1998 г и в 2008—2009 гг. в России и за рубежом недобросовестность проявляли и сами банки. Значительная часть этих сделок носила притворный, фиктивный характер и была заключена банками намеренно, в целях формального страхования рисков с контрагентами, которые заведомо не могли и не собирались исполнять своих обязательств. Многие из таких контрагентов представляли собой аффилированные с банками, специально созданные предприятия (*special purpose vehicle*).

Все эти примеры мы привели для того, чтобы показать, какие уникальные возможности сама природа банковских операций создает для различного толкования количественных и качественных показателей деятельности банков, оценки их финансового положения, для существования широкого диапазона оценок и суждений. Чем меньше видов операций совершают банки, и чем эти операции проще, примитивнее, прозрачнее — тем уже диапазон оценок. Наоборот, чем разнообразнее, сложнее банковские операции, чем больше в них инноваций (финансового инжиниринга), тем меньше — при прочих равных условиях — определенности и достоверности в оценках. Если к этому добавить личную заинтересованность современных банкиров из-за существующей системы мотиваций именно в увеличении объемов и разнообразия операций, в накоплении банками рисков, то затруднения банковского надзора могут быть понятными. Однако помимо операционных, у государственного банковского надзора существуют еще и политические ограничения. И эти ограничения, действующие во всем мире, являются, возможно, еще более сильными.

Политические ограничения банковского надзора сводятся к отсутствию у органов банковского регулирования и надзора политической воли, мотиваций для раннего, заблаговременного выявления проблем и слабостей банковского сектора и отдельных банков, к принятию превентивных, предупредительных мер для предотвращения банковских крахов. Рыночные регуляторы повсеместно, во всем мире попросту опасаются «связываться» с политически влиятельными собственниками и управляющими банков, наступать на их интересы. В современном капиталистическом обществе интересы банкиров и правящих кругов тесно переплетены между собой. Собственно говоря, банкиры и являются важной частью правящей элиты, обслуживают её экономические и политические интересы. Банковское и финансовые лобби оказывает существенное влияние на формирование общественного и политического мнения, на кадровые назначения в самих органах государственного банковского регулирования и надзора. Бросить вызов влиятельным, но не всегда добросовестным, ответственным и профессиональным банкирам — для регуляторов рынка означает рискнуть своей карьерой, положением в обществе и материальным благополучием. Эти обстоятельства не могут не влиять на поведение руководителей органов банковского регулирования и надзора, которые порой склонны не замечать, казалось бы, очевидных проблем и угроз для банков. Известная человеческая слабость не видеть того, чего замечать не хочется (неприятно, невыгодно, страшно) присуща всем людям (вспомним знаменитые пушкинские строки «Ах, обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад»). К такому поведению рыночных регуляторов побуждает действующая система мотиваций в системе государственного управления. Реагирование регуляторов на уже случившиеся банковские крахи и использование ими средств налогоплательщиков для предотвращения банковских банкротств — признается нормой, за которую, как правило, никто не несет политической и административной ответственности. Напротив, попытки регуляторов повлиять на политику банков, чрезмерно увлекающихся рисками и фальсифицирующих отчетность, могут не встретить сочувствия и поддержки правящих кругов и быть пресечены с самыми неблагоприятными последствиями для личных судеб тех, кто выступил «возмутителем спокойствия». Поэтому регуляторам спокойнее и выгоднее не поднимать заранее тревогу, а дожидаться, пока слабые, проблемные банки сами перестанут платить по своим обязательствам.

Относительному усилению политического влияния банковских собственников и ослаблению политических позиций рыночных регуляторов способствовала тенденция к увеличению роли финансового сектора экономики, наблюдавшаяся и заметно ускорявшаяся в последние несколько десятилетий. Кто контролирует денежные потоки и

извлекает сверхприбыли, тот, в конечном счете, имеет власть в капиталистическом обществе. Предлагаю читателям самостоятельно ознакомиться с экономической и финансовой статистикой, показывающей, насколько финансовый сектор мировой экономики по количественным параметрам вырос в сравнении с ее реальным сектором за исторически короткий период времени. Тут можно оперировать и динамикой показателей монетизации и «банкизации» экономики (отношения денежной массы к ВВП, стоимости банковских активов к ВВП), показателями объемов торговли финансовыми инструментами в сравнении с товарной торговлей, соотношением прибыли финансового сектора экономики с прибылью предприятий промышленности и т.д. Мы сошлемся лишь на показатель финансовой глубины (*financial depth*), который эксперты McKinsey Global Institute рассчитывают как отношение рыночной стоимости традиционных финансовых инструментов (акций и долговых обязательств) к мировому ВВП. Этот показатель увеличился с 261% в конце 1990 г. до 356% в конце 2010 г.⁶ Стоимость же открытых контрактов по деривативным финансовым сделкам в конце 2010 г., по данным Банка международных расчетов, уже приблизительно в 11 раз превышала мировой ВВП⁷.

Оставляя в стороне вопрос о влиянии надувшегося «финансового пузыря» на условия экономического развития и уклад жизни общества, отметим лишь два основных последствия гипертрофированного развития финансовой экономики для непосредственного предмета нашего исследования. Во-первых, объективно усиливаются риски неплатежеспособности коммерческих (депозитных) банков, увеличивается неустойчивость, нестабильность банковской системы. Во-вторых, растет политическое влияние банковского сектора, снижаются возможности рыночных регуляторов по предотвращению банковских крахов. Современную конструкцию рыночной, капиталистической экономики на Западе (и в растущей степени в России) можно назвать спекулятивным финансовым капитализмом. Даже морально-этическая, нравственная оценка обществом финансовых транзакций за последние несколько десятилетий заметно изменилась. Например, до 1980-х годов трансграничное движение краткосрочных капиталов в литературе именовалось термином с явно выраженным негативным звучанием «горячие деньги».

⁶ Charles Roxburg, Susan Lund, John Piotrowski. McKinsey Global Institute, August 2011. «Mapping Up Global Capital Markets 2011». Published on <http://www.mckinsey.com/mgi>

⁷ Bank for International Settlements. Statistical Release: OTC Derivatives Statistics at end-December 2011, Monetary and Economic Department, May 2012. Published on: www.bis.org

Считалось, что спекулятивные операции не приводят к росту реального сектора экономики, но отвлекают силы и внимание и рыночных регуляторов и участников рынка от созидательной трудовой деятельности. Понятие «спекулянт», «спекуляции» негативно воспринимались не только общественным мнением в бывшем СССР, но и — до недавнего времени — в странах с рыночной, капиталистической экономикой. Широко применялась практика государственных ограничений на движение международных краткосрочных капиталов. С тех пор государственные валютные ограничения и валютный контроль были почти повсеместно демонтированы (в России с середины 2000 гг.), и хотя не появилось никаких эмпирических свидетельств пользы от снятия ограничений на движение «горячих денег», свобода проведения финансовых спекуляций была признана благом. Благом стала признаваться вообще любая финансовая деятельность, способная приносить прибыль, независимо от её социально-экономических и нравственных последствий (за исключением, пожалуй, лишь финансовых операций по легализации откровенно преступных доходов — то есть по «отмыванию денег»). Такой подход резко контрастирует с поиском глубоких смыслов денежных и банковских операций и оценкой их влияния на отношения между людьми, которым занимались рыночные регуляторы и вообще мыслители еще сто или даже пятьдесят лет назад (от таких признанных теоретиков, как Карл Маркс и Джон Мейнард Кейнс, до оригинальных талантливых самоучек вроде Сильвио Гезелля).

Часть III. ПОИСК ВОЗМОЖНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

«Дорогу осилит идущий»

(древняя мудрость)

В конце прошлой части мы закончили на том, что неустойчивость современной банковской системы заложена в основах ее конструкции, и что преодоление фундаментальной нестабильности системы в рамках существующей модели спекулятивного финансового капитализма невозможно. Чтобы обеспечить устойчивость системы, нужно было бы изменить ее конструкцию, и сейчас мы займемся рассмотрением возможных принципиальных вариантов построения банковской системы.

Согласно логике проведенного анализа можно рассмотреть следующие основные варианты построения банковских систем:

1. Система с одним каналом денежной эмиссии — через коммерческие банки.
2. Система с двумя каналами денежной эмиссии — центральный банк и коммерческие банки — при наличии прямой регламентации операций коммерческих банков.
3. Система с одним каналом денежной эмиссии — через единый эмиссионный банк.
4. Система с двумя каналами денежной эмиссии — центральный банк и коммерческие банки — с отсутствием прямой регламентации операций коммерческих банков.

Модель банковской системы под условным порядковым номером 1 существовала в чистом виде в эпоху металлического денежного стандарта, и до появления центральных банков как органов государственного денежно-кредитного регулирования с их особыми функциями. Растущие потребности экономического оборота в фидуциарной, не обеспеченной драгоценными металлами, денежной эмиссии привели к трансформации такой «одноканальной» системы коммерческих банков в «двухканальную» («двухъярусную») систему, стоящую в нашем списке под номером 2. Об этих процессах мы уже достаточно подробно говорили в предыдущих частях работы. Приверженцы «свободной банковской школы» и по сей день защищают жизнеспособность системы 1, призывая отказаться от использования центральных банков даже в современных условиях господства кредитных денег. Однако едва ли эти идеи можно признать плодотворными и реалистичными. Слишком уж силен у коммерческих банков конфликт интересов при осуществлении кредитования и денежной эмиссии. Не сдерживаемое внешними си-

лами стремление к наживе неизбежно приведет к неконтролируемой, безудержной эмиссии и нарушению условий макроэкономического равновесия, вплоть до гиперинфляции, а также к накоплению у банков рисков, несовместимых с их жизнью.

Аргументы сторонников «свободной банковской школы» сводятся приблизительно к следующим тезисам: «Рынок все расставит по своим местам, а крахи отдельных банков, провоцирующие системные банковские кризисы, а затем и возможную экономическую депрессию будут способствовать очищению рынка от слабых игроков и, в конечном счете, повышению эффективности экономики». По общей направленности своего мышления, «свободная банковская школа» отличается последовательным либерализмом. Она считает вмешательство государства в деятельность коммерческих банков недопустимым, но одновременно признает полную ответственность не только собственников, но и кредиторов (вкладчиков) банков за результаты деятельности банков. Согласно таким взглядам, банковское регулирование и банковский надзор — вредная затея, не говоря уже о системе страхования вкладов или о практике спасения крупных банков за счет средств налогоплательщиков по принципу «слишком крупный, чтобы обанкротиться». Таким образом, идеи «свободной банковской школы» можно признать логически цельными и последовательными, но абсолютно нереалистичными, потому что они не учитывают особенностей человеческой природы. Через механизм денежной эмиссии и способность провоцировать цепочку неплатежей во всей экономике в случае собственной неплатежеспособности банки имеют совершенно особое, уникальное значение для жизни людей. Бесконтрольная, не сдерживаемая внешними силами алчность собственников и управляющих банков способна приводить к таким социально-экономическим и политическим потрясениям, которые оказываются неприемлемыми для общества и его правящих элит. После печального опыта Великой депрессии 1930-х гг. никто из государственных деятелей или экспертов, отвечающих за денежно-кредитную и банковскую политику, не решится на предоставление коммерческим банкам полной свободы действий, а также не откажется от государственной финансовой поддержки банков в случае крайней необходимости. Система I в современных условиях нежизнеспособна в том смысле, что приводила бы к поистине чудовищной финансовой, социально-экономической и политической нестабильности. Однако подлинные носители либеральной экономической идеи, каковыми являются сторонники «свободной банковской школы», не боятся экономических кризисов, а считают их естественным условием развития рыночной экономики.

Либеральные экономисты предпочитают абстрагироваться от угрозы разрушения основ рыночной экономики и перехода, например, к коммунистической модели, к централизованной плановой экономике под влиянием недовольства и лишений людей в периоды кризисов.

Модель банковской системы под условным порядковым номером 3 нашего перечня служит своеобразной противоположностью системы 1. Она тоже предполагает «одноканальный» механизм денежной эмиссии, но не через коммерческие банки, а через единый эмиссионный банк. В системе 1 все банки – коммерческие и нет места центральному банку. В системе 3 нет ни коммерческих, ни центральных банков, а есть единственное банковское учреждение, которое может одновременно заниматься кредитованием, принимать деньги от клиентов на счета и во вклады, выпускать банкноты. Можно даже указать на исторический пример такой банковской системы – это опыт Советского Союза с его Государственным банком СССР и других стран бывшего «социалистического лагеря». В своем «чистом виде» система 3 функционировала пока только в условиях централизованной плановой экономики, в которой роль денег и кредита сильно ограничена. Но, как ни странно, можно теоретически обосновать принципиальную возможность построения «одноканальной» системы с банком-монополистом и в условиях рыночной экономики. Вначале рассмотрим для наглядности на примере укрупненной структуры бухгалтерских балансов, чем отличается модель банковской системы 3 от «двухканальных» («двухъязычных») систем 2 или 4 (по структуре бухгалтерского баланса банков системы 2 и 4 практически идентичны между собой).

Модель банковской системы 2 или 4

Таблица 16-А

Структура бухгалтерского баланса центрального банка⁸

Активы	Пассивы
Международные резервы и прочие требования к нерезидентам	Наличные деньги в обращении
Кредитные требования к коммерческим банкам	Задолженность по корреспондентским и резервным счетам коммерческих банков
Кредитные требования к правительству	Задолженность по счетам правительства
Прочие активы	Прочие обязательства и собственные средства

⁸ По состоянию на дату составления баланса.

Таблица 16-Б

**Структура консолидированного бухгалтерского баланса сектора
коммерческих банков**

Активы	Пассивы
Кредитные требования к нерезидентам	Задолженность перед нерезидентами
Кредитные требования к центральному банку	Задолженность перед центральным банком
Кредитные требования к корпоративным клиентам небанковского сектора	Задолженность перед корпоративными клиентами небанковского сектора
Кредитные требования к населению	Задолженность перед населением
Кредитные требования к правительству	Задолженность перед правительством
Прочие активы	Прочие обязательства и собственные средства

Модель банковской системы 3

Таблица 17

Структура бухгалтерского баланса единого эмиссионного банка

Активы	Пассивы
Кредитные требования к нерезидентам	Задолженность перед нерезидентами
Кредитные требования к корпоративным клиентам небанковского сектора	Задолженность перед корпоративными клиентами небанковского сектора
Кредитные требования к населению	Задолженность перед населением
Кредитные требования к правительству	Задолженность перед правительством
Прочие активы	Наличные деньги в обращении
	Прочие обязательства и собственные средства

Из представленных балансов хорошо видно, что бухгалтерский баланс единого эмиссионного банка в системе 3 образуется путем консолидации балансов центрального банка и коммерческих банков системы 2 или 4. И это естественно: чтобы перейти из состояния банковской системы 2 или системы 4 к конструкции системы 3, нужно «слить», объединить центральный банк с коммерческими банками и сформировать на базе этого конгломерата единую организацию. Единый банк осуществляет денежную эмиссию в процессе осуществления кредитных операций — денежная масса в обращении увеличивается по мере роста кредитных требований банка и уменьшается в случае сокращения его кредитных вложений. Разделения между понятиями денежной базы и денежной массы в системе 3 не существует, поскольку действует единый центр денежной эмиссии, где деньги — это долговые обязательства единого банка.

В условиях централизованной плановой экономики советского образца существование единого банка, кредитующего практически все сегменты экономики и одновременно являющегося эмитентом безналичных долговых обязательств и наличных денег, было вполне оправ-

дано. Предприятия получали кредиты от банка в рамках кредитного плана, который был увязан с народнохозяйственными планами производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, планами государственного снабжения (аналог оптовой торговли) и розничного товарооборота. Банк практически не мог отказать предприятиям в кредитовании и расчетно-кассовом обслуживании и осуществлял свои операции в жестких рамках количественных плановых показателей на заранее утвержденных условиях. И товарные цены предприятий-производителей, и процентные ставки по операциям банка устанавливались государством командно-волевым путем. Ну, а может ли система единого эмиссионно-кредитного банка (система 3) работать в условиях рыночной экономики? Технически, вполне может. Более того, она обладает некоторыми привлекательными свойствами.

Во-первых, единый эмиссионный банк обладает абсолютной платежеспособностью по своим обязательствам в национальной валюте. Для него не существует риска ликвидности по операциям в деньгах, которые он сам же эмитирует. Могут быть нарушены условия макроэкономического равновесия, снижена покупательная способность денег по отношению к товарам и иностранной валюте, но банк всегда может избежать юридического дефолта по обязательствам в собственной валюте. Это существенно снижает кредитные риски для корпоративного сектора и населения, делает ненужной систему страхования вкладов и практику поддержки терпящих бедствие банков за счет денег налогоплательщиков. Банк, конечно, может частично или даже полностью утратить собственный капитал в случае обесценения активов (из-за убытков по кредитным операциям). Но для единого государственного эмиссионного банка величина капитальной базы – это достаточно условное понятие, связанное в основном с фактором общественного доверия. Даже если и возникнет необходимость пополнения капитала единого банка за счет внешних источников помимо его собственной прибыли, то это будет формой государственной поддержки государственного же банка (в отличие от существующей сейчас циничной практики спасения частных банков за счет государственных средств). Во-вторых, единому государственному банку не нужно максимизировать прибыль и добиваться высоких показателей рентабельности капитала. Кроме того, по весомой части своих обязательств (наличные деньги в обращении) он не платит процентов. Поэтому единый банк, теоретически, может себе позволить работать на более низкой доходной и процентной марже по сравнению с частными коммерческими банками. Возникают условия для того, чтобы процентные ставки установились на относительно более благоприятном, выгодном

для корпораций из реального сектора экономики и для населения уровня. В-третьих, государство получает уникальную возможность через кредитные операции банка осуществлять прямое стимулирование приоритетных для общества сегментов и отраслей экономики, что намного труднее делать в условиях «двухъярусной» банковской системы.

«Одноканальная» модель банковской системы 3 (как, впрочем, и «одноканальная» система 1) отличается логической цельностью и последовательностью, но она не свободна от изъянов. Главной проблемой использования системы единого эмиссионного банка в условиях рыночной экономики является его монополизм и отсутствие экономических стимулов для качественного удовлетворения потребностей клиентов. Одно дело, когда в условиях централизованной плановой экономики процесс кредитования был жестко детерминирован, между банковскими клиентами отсутствовала конкуренция, и все кредитные заявки удовлетворялись. А как один банк будет выбирать из множества конкурирующих кредитных заявок, и не превратится ли этот процесс в издевательство над заемщиками и в тормоз для развития реального сектора экономики? Предложение кредитов в экономике будет всегда ограниченным (это диктуется задачами поддержания макроэкономического равновесия), среди заемщиков будет конкуренция за кредиты, и спрос на кредиты в экономике будет оставаться частично неудовлетворенным. В этих условиях работа банка-монополиста может сыграть деструктивную роль — опять вмешается фактор несовершенства человеческой природы. Руководители и сотрудники банка будут ощущать и вести себя с клиентами не как партнеры, а как начальники. Клиенты же могут попасть в административную зависимость от банка — со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. К слову, в советскую эпоху банк и клиенты находились практически в равноправных партнерских отношениях, потому что обе стороны действовали строго в рамках утвержденных государственных планов, и процесс принятия решений был детерминирован.

Частично смягчить проблему зависимости участников рынка от банка-монополиста можно путем развития кредитных и расчетных организаций (в том числе принадлежащих частным владельцам, не зависящих от государства), не обладающих способностью осуществлять денежную эмиссию, но выполняющих функции финансовых посредников. Расчетные организации будут предоставлять юридическим и физическим лицам расчетные услуги (осуществлять денежные переводы, платежи), а кредитные организации — заниматься кредитованием. Расчетным организациям будет запрещено выдавать клиентам кредиты (ссуды, займы), а кредитным организациям — запрещено открывать клиентам текущие и расчетные счета. Единый банк останется един-

ственным финансовым посредником, который сможет осуществлять одновременно две функции — открывать клиентам счета и заниматься кредитованием. Напомним, что именно сочетание этих двух функций дает возможность банку осуществлять денежную эмиссию («дебет ссудного счета клиента, кредит расчетного или текущего счета клиента»). Кредитные организации, лишенные права открывать клиентам счета, смогут выдавать кредиты только в пределах остатка денежных средств на своем корреспондентском счете, открытом в едином эмиссионном банке (или в пределах запасов наличных денежных средств) — «дебет ссудного счета клиента, кредит корреспондентского счета в едином банке» (или кредит счета кассы). Кредитные организации будут конкурировать между собой за привлечение заемных средств от физических и юридических лиц и за право выдачи им кредитов, а расчетные организации — конкурировать за обслуживание своих клиентов. Клиенты единого эмиссионного банка одновременно могут получать услуги от расчетных и кредитных организаций, что оставляет им возможность выбора, нахождения альтернативных — помимо единого банка — источников финансирования.

Таким образом, контуры системы 3 применительно к условиям рыночной экономики все же вырисовываются. Единый банк, по-видимому, должен заниматься лишь краткосрочным (на срок до одного года или до полутора лет) кредитованием корпоративных клиентов и индивидуальных предпринимателей в сфере производства товаров и услуг, оптовой и розничной товарной торговли. Это должно быть классическое кредитование под оборотные средства, обслуживающее движение оборотного капитала (как в сказке о петушке, подавившемся бобовым зернышком). Заемщиками единого банка будут предприятия с известной репутацией и со сложившейся историей деятельности. Чтобы смягчить риски административного давления на клиентов со стороны банка, можно предусмотреть элементы детерминизма, предопределенности в отношениях между банком и клиентами. Например, вернуться к кредитному плану, но значительно более гибкому по сравнению с кредитным планом Государственного банка СССР в советскую эпоху. Список потенциальных заемщиков может составляться и соответствующие договоры между банком и клиентами заключаться на год вперед. Договоры могут предусматривать гибкие кредитные лимиты, которые будут входить в общий лимит прироста кредитных вложений (увеличения денежной массы) единого банка. Перечень потенциальных заемщиков банка может регулярно пересматриваться, причем те же заемщики банка и все другие клиенты, не попавшие в список заемщиков банка, могут получать финансирование под разнообразные

нужды и потребности в многочисленных кредитных организациях. Сохранность денежных средств физических и юридических лиц в национальной валюте, хранящихся в едином банке, гарантирована по определению. По своим операциям с независимыми от государства расчетными и кредитными организациями клиенты будут нести риски в полном объеме, и государство спасать такие организации уже не будет. Финансовый крах, неплатежеспособность даже крупной кредитной или расчетной организации не будет приводить к таким катастрофическим последствиям, как банкротство универсального банка, сочетающего кредитные и расчетные функции. В худшем случае, это будут последствия, сравнимые с эффектом банкротства в России крупных «финансовых пирамид» в 1990-е гг.

Кредитные организации, не обладающие правом открывать клиентам счета, — это не плод фантазии автора. В истории было немало подобных примеров в форме специализированных кредитных институтов и различного рода кредитных организаций, известных под названиями ссудно-сберегательных ассоциаций, кредитных союзов, обществ взаимного кредитования и касс взаимопомощи. Такого рода кредитные институты можно условно разделить на две основные группы: организации «клубного» характера и организации «открытого типа». «Клубные» институты существуют как общества взаимного кредитования, кредитные товарищества, объединяющие участников, как правило, по какому-либо общему для них признаку, на основе взаимного доверия — например, предпринимателей одного региона, сотрудников одного крупного предприятия, жителей одного небольшого города, представителей одной профессии и т.д. Ссуды выдаются только пайщикам (участникам) кредитного товарищества, а устав таких организаций может предусматривать солидарную ответственность участников (пайщиков) по обязательствам каждого из них. «Открытые» кредитные институты привлекают заемные средства от всех желающих (не обязательно пайщиков или акционеров) и выдают кредиты любым заемщикам — то есть являются не товариществами, а обычными бизнес-проектами, фондами коллективного финансирования. Привлечение денег займы кредитными организациями обоих типов сопровождается в их учете бухгалтерскими проводками «кредит счета привлеченных средств, дебет корреспондентского счета в банке (или дебет счета кассы)». Выдача кредитов (ссуд, займов) сопровождается проводками «кредит корреспондентского счета в банке (или кредит счета кассы), дебет ссудного счета заемщика». Таким образом, такие кредитные организации не обладают способностью осуществлять денежную эмиссию. Деятельность кредитных и расчетных организаций, по логике системы 3, должна подлежать прямой

регламентации со стороны государства, которое будет ограничивать виды совершаемых этими финансовыми посредниками операций, и величину рисков. По той же логике, процентная и тарифная политика единого банка будет жестко регламентироваться государством (чтобы подавлять монополистические «замашки» банка), а процентные ставки независимых кредитных организаций формироваться свободно в условиях рыночной конкуренции.

Модель организации банковской системы 3, безусловно, способна предложить обществу качественно более высокий уровень финансовой стабильности по сравнению с нынешней ситуацией. Однако она требует принципиально иного, несравненно более глубокого погружения институтов государственного управления в вопросы экономики на микроуровне. А это прямо противоречит современной политической тенденции на Западе, возобладавшей с 1980-х гг. (в России с 1990-х гг.). Эта система предъявляет также высокие требования к качеству государственного управления. Она должна предусматривать не существующие ныне (по крайней мере, в России) механизмы общественного контроля над государственными институтами, и, в первую очередь, за деятельностью единственного эмиссионного банка. При дурном исполнении, без тщательной подготовительной работы попытка реализовать замыслы системы 3 может обернуться административным произволом властей, усилением коррупции, подавлением экономической инициативы. Однако, как говорится, дорогу осилит идущий, и знание стоящих впереди трудностей не должно останавливать путника. При наличии соответствующей политической цели и политической воли построение системы 3 в рыночной экономике вполне осуществимо. Но эта была бы уже иная модель рыночной экономики, разительно отличающаяся от спекулятивного финансового капитализма современного образца.

Реализация проекта построения системы 3 опиралась бы на наследие идей и представлений мыслителей прошлого, использовала бы их рациональные начала в проекции на современность. Например, умеренная, почти «бескорыстная» процентная политика единого эмиссионного банка является ничем иным, как продолжением традиции запрета или общественного осуждения ростовщичества. Домашним хозяйствам, предпринимателям и корпорациям будет предложен надежный способ обеспечения сохранности денежных накоплений на счетах и во вкладах в едином эмиссионном банке. Однако в лучшем случае банковские вкладчики получат защиту от инфляции, в худшем — покупательная способность их сбережений, с учетом инфляции, будет понемногу таять. Но это и справедливо — банковские вкладчики не должны получать вознаграждение за несуществующий кредитный риск (держать

деньги в банке в национальной валюте будет абсолютно безопасно). А вот банк принимает на себя кредитный риск, и поэтому получает за него премию, включенную в расчет величины процентной ставки по выдаваемым кредитам. Эта премия будет покрывать убытки по кредитным операциям банка, и защищать его активы от обесценения. Если банк не будет собирать с заемщиков премию за риск, то обесценение активов приведет к утрате капитала, а восполнение утраченного капитала произойдет за счет средств тех же вкладчиков — через налоги или через инфляцию. Государство при участии общественных институтов должно контролировать процентную политику банка, поддерживая ставки по кредитам на минимально возможном уровне. Процентная маржа будет покрывать убытки банка вследствие обесценения активов и его разумные операционные расходы. Сам банк под общественным контролем должен стать образцом умеренности и даже аскетизма в собственных административно-хозяйственных расходах. Операции единого эмиссионного банка будут стандартными, прозрачными, даже примитивными — связанными с осуществлением расчетно-кассового обслуживания клиентов и краткосрочным кредитованием под оборотные средства. Никакого структурного или проектного финансирования, никакого кредитования слияний и поглощений, финансирования сделок с ценными бумагами и недвижимостью. Знаю, что кому-то это утверждение покажется «крамольным», но и кредитованием населения единому эмиссионному банку лучше не заниматься — никакими его видами. В результате издержки общества по содержанию базового института финансового посредничества и одновременно эмиссионного центра будут минимальными.

Для получения финансовых услуг, выходящих за пределы компетенции единого эмиссионного банка, участники рынка могут обращаться к другим финансовым посредникам. Здесь они смогут удовлетворить за свои деньги, под свою ответственность (то есть на свой страх и риск) любую потребность, попытаться реализовать любой проект. Те люди, которые станут доверять свои сбережения независимым кредитным организациям, возьмут на себя кредитный риск и будут рассчитывать на получение за это вознаграждения. Ради прибыли будут работать и независимые финансовые посредники, но и они, и их клиенты, конечные кредиторы и конечные заемщики, будут полностью отвечать за результаты своей деятельности, принимая на себя как доходы, так и убытки по операциям.

В случае построения системы 3 управляющие органы единого эмиссионного банка окажутся перед серьезным вызовом, потому что в отличие от практики работы центральных банков в рамках «двухъязыс-

ной» банковской системы единому эмиссионному банку придется непосредственно взаимодействовать с реальным сектором экономики. Эта работа требует таких навыков, которыми нынешнее поколение руководителей и сотрудников центральных банков уже не обладает. Современные центральные банки проводят операции с коммерческими и центральными банками (резидентами и нерезидентами) и с правительствами. Главной своей задачей они считают поддержание стабильности товарных цен и финансовой стабильности банковской системы в целом, регулируя предложение денег в экономике на макроуровне. Вопрос о том, как денежные потоки доводятся до конкретных отраслей, сегментов и секторов реального сектора, сегодня выходит за рамки компетенции и приоритетных интересов центральных банков. При определенной рыночной конъюнктуре и наборе выбранных политических целей центральные банки могут до минимума свести даже кредитование собственного банковского сектора и правительства. Так, например, в России, начиная с 2003 г., рост денежного предложения происходил в решающей степени за счет увеличения международных резервов центрального банка — то есть в результате кредитования им нерезидентов.

Примечательно, что Государственный банк Российской империи, историческую преемственность с которым подчеркивает нынешний Центральный банк Российской Федерации, отмечавший в 2010 г. свое 150-летие, исповедовал совсем другую философию. Начнем с того, что он был учрежден «высочайшим указом» 31 мая 1860 года «для оживления промышленности и торговли» (невероятная цель для современных центральных банков!). Среди прочих достижений дореволюционный Государственный банк сыграл важную роль в развитии товарного производства зерна в России, кредитую сельскохозяйственных производителей под залог зерна. Причем заложенное зерно хранилось на элеваторах, которые строил и которыми владел сам банк-кредитор (это чтобы обеспечить полную сохранность зерна, учет и контроль). А ведь зерно хранится в особых условиях, имеет ограниченный срок всхожести, разную сортность и цену. Можно представить себе, какой кропотливой и хлопотной (прямо-таки «не царской») работой должны были заниматься работники Государственного банка, но результат для производства зерна, а также в целом для «оживления промышленности и торговли» был поистине впечатляющим. Да и условий макроэкономического равновесия Государственный банк Российской империи вроде бы не нарушил. Конечно, это была иная эпоха — действовал металлический денежный стандарт, и происходила постепенная трансформация системы

1 в систему 2. Но если бы не активное включение главного (хотя и не единственного в ту пору) эмиссионного банка страны в кредитование реальной экономики, Россия вряд ли испытала бы тогда бурный экономический подъем. Таким образом, концепции, подходы эмиссионных банков к своей работе, их операционная модель менялись по ходу истории, и нет никаких оснований полагать, что действующая «двухъярусная» банковская система воцарилась навечно. Как бывает в ходе эволюции, банковские системы будущего по законам диалектики могут повторить черты почти забытого прошлого, но на новом качественном уровне.

Об особенностях моделей организации банковских систем 2 и 4 мы уже достаточно подробно останавливались в предыдущем разделе работы, и повторяться, наверное, нет смысла. Теперь можно подытожить сравнительный анализ всех возможных систем – от первой до четвертой по нашей условной классификации. Выполним это в форме таблицы, где каждая из систем будет охарактеризована и ранжирована по двум основным критериям: финансовой стабильности (подверженности рискам) и соблюдению принципов «рыночной справедливости» (справедливой рыночной конкуренции, справедливого распределения выгод и ответственности между участниками рынка). Оценка будет сделана применительно к возможному использованию сравниваемых систем в современных условиях. Другими словами, реально применяемые в современном мире системы 2 и 4 (система 2 до сих пор применяется в «новых индустриальных» и развивающихся странах) будут сравниваться с не существующими, но теоретически возможными к применению системами 1 и 3.

Таблица 18

Сравнительный анализ банковских систем. Оценочные баллы *

<i>Оценочные показатели:</i>	Система 1	Система 2	Система 3	Система 4
Финансовая стабильность	1	3	4	2
Рыночная справедливость	4	3	4	2
Итоговый результат (по сумме баллов)	5	6	8	4

* **Примечание:** оценочные баллы приводятся по 4-балльной шкале. Высшая (лучшая) оценка – 4, низшая (худшая) оценка – 1.

Прокомментируем выставленные оценки. Система 1, как уже отмечалось, отличается феноменальной неустойчивостью. Она чревата перманентными системными банковскими кризисами и хроническим нарушением макроэкономического равновесия – отсюда самый низкий балл при оценке финансовой стабильности. Государство в такой системе не вмешивается в работу банков и не отвечает за ее послед-

ствия (хотя бы в теории) — поэтому мы поставили высший балл при оценке «рыночной справедливости».

Оценка системы 2 на самом деле сильно зависит от того, каким конкретным образом регламентируются (ограничиваются) операции банков, и какова реальная ответственность государства по обязательствам крупных банков в случае их неплатежеспособности. В данной таблице представлена некая усредненная оценка показателей системы, исходя из обобщения исторического опыта и в сравнении этого опыта с событиями современности в рамках системы 4. Не зря же говорят, что все познается в сравнении. На практике доказано, что система 2 отличается большей финансовой стабильностью и «рыночной справедливостью» по сравнению с системой 4. Насколько это различие выразить в баллах, это уже вопрос суждения. Система 2 предлагает сложные и порой небезуспешные компромиссы между противоречивыми целями государственной политики — соблюдением рыночной дисциплины (справедливости) и сохранением социально-экономической стабильности в обществе.

Система 3 пока не была опробована в условиях рыночной экономики, и ее оценку мы проводили без эмпирических свидетельств, на уровне теоретического анализа (как, впрочем, и оценку системы 1). Предпринятый логический анализ дает, на наш взгляд, основания присвоить этой системе высшие баллы по оценочной шкале для обоих показателей. Система 3 предлагает разрешение противоречия между общественной значимостью банковской деятельности и ее частным характером с помощью полного обобществления эмиссионной денежной функции под эгидой единого государственного эмиссионного банка.

Превалирующая в современном мире система 4 отличается, как мы уже показывали, редкой противоречивостью. Она сочетает в себе свободу проведения коммерческими банками рыночных операций с несоблюдением рыночной дисциплины участниками рынка, которые фактически не несут ответственности за последствия неплатежеспособности крупных банков. Если сторонники системы 1 являются последовательными экономическими либералами, то сторонники системы 4 — лишь носителями либеральной фразы, на деле попирающими основы «рыночной справедливости». Вероятно, именно этот цинизм системы 4 и вызывает волну общественных протестов во всем мире.

Автор не смог удержаться от подведения итоговой оценки всем четырем системам путем простого сложения баллов по двум рассматриваемым показателям, без учета сравнительной значимости последних. Получается наглядно, но не вполне корректно, потому что простое сложение может исказить наши реальные предпочтения и

возможные практические рекомендации. Так, итоговая оценка системы 1 оказалась на балл лучше оценки системы 4, хотя в реальности применение системы 1 в современных условиях привело бы к полной и быстрой катастрофе. Такой «перекос» между итоговыми оценками произошел из-за того, что показатели суммировались с равными «весами», в то время как правильнее было бы уменьшить относительную значимость показателя «рыночной справедливости». В нашей же таблице итоговая оценка системы 4, возможно, слишком сильно пострадала из-за цинизма, несправедливости этой системы. Но при любой корректировке «весов» в нашем итоговом условном рейтинге система 4 может побороться лишь за предпоследнее место с системой 1, сильно уступая уже испытанной историческим опытом системе 2 и существующей пока лишь в теории системе 3.

На этом месте читатель вправе усомниться в справедливости сделанных нами выводов и оценок, задать резонные вопросы. Если действующая почти во всех «передовых» и «цивилизованных» странах банковская система настолько плоха, как ее расписывает автор, то почему же она сумела заменить более полезную (или менее вредную) для общества модель организации банковского дела, которая вроде бы вполне успешно функционировала на протяжении многих десятилетий? Могут ли умные и успешные люди, каковыми себя зарекомендовали западные лидеры, так ошибаться? А кое-кто и сомнений испытывать не будет, а выскажется без обиняков: «Вздор все это, не может быть неудачной банковская система в самых богатых и комфортных для проживания странах мира — иначе они не были бы такими благополучными и процветающими». Давайте попытаемся с этим разобраться.

Прежде всего, мы не утверждали, что действующая модель организации банковского дела (система 4) плоха. Мы лишь установили, что она, во-первых, обречена на крайнюю финансовую нестабильность, и, во-вторых, отличается исключительной несправедливостью распределения между членами общества доходов и убытков от деятельности банков, несоблюдением принципов рыночной дисциплины и ответственности. По совокупности этих двух критериев современная банковская система действительно выглядит намного хуже большинства альтернативных моделей. Но ведь могут существовать и другие оценочные критерии, которые способны перевесить, пересилить в общественном мнении (или, по мнению правящих элит) перечисленные отрицательные стороны. Что такое хорошо, и что такое плохо — понятия относительные, и на этот счет существует множество мудрых изречений различной степени серьезности: «кому война, а кому мать родна», «что русскому хорошо, то немцу — смерть» и т.д. Например, если рас-

смотреть такой критерий, как возможности, предлагаемые банковской системой отдельным группам и членам общества для быстрого обогащения, то система 4 не имеет себе равных. Когда денежные накопления сектора домашних хозяйств, корпоративного сектора и иностранных органов государственного управления в коммерческих банках могут свободно использоваться для совершения различного рода рискованных спекулятивных финансовых операций, это создает уникальные возможности получать в короткие сроки сверхприбыли буквально «из воздуха», как для самих банков, так и для получателей банковских кредитов. Такая практика делает банковскую систему крайне уязвимой, неустойчивой, подвергающей кредиторов и вкладчиков банков чрезмерным рискам. Чтобы не допустить разорения кредиторов неплатежеспособных банков и неизбежных в таких случаях протестных выступлений и социальных волнений, государства по установившейся традиции выручают кредиторов, предотвращая банкротства крупных банков. В конечном итоге бремя расходов по спасению банков ложится равномерно на всех налогоплательщиков, а в выигрыше остаются лишь избранные.

Как писал М. В. Ломоносов применительно к законам естественной природы, «...сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте»⁹. Этот тезис справедлив и в отношении финансовых операций (по крайней мере, если считать финансовый результат кассовым методом, по фактическим денежным потокам). Если налогоплательщики понесли расходы, то кто-то на рынке обязательно должен был получить эквивалентные доходы. В выигрыше оказываются, как правило, наиболее предприимчивые, влиятельные, информированные, но зачастую не самые шепетильные в вопросах деловой этики и общечеловеческой морали участники рынка. Этим характеристикам идеально соответствуют представители современных правящих элит из политических, деловых, финансовых и медийных кругов, связанные между собой общими интересами и кругом общения, дружескими и родственными отношениями. Нынешние правящие элиты стран Запада выступали главными инициаторами процесса «дерегулирования» банковской системы и финансовых рынков в 1980–1990-е гг. — они же являются основными бенефициарами этих реформ. Конечно, удача в игре на финансовых рынках может улыбнуться и случайным людям, совсем как в казино. Работа современных финансовых рынков во многом на казино и похожа. Только если традиционный

⁹ М. В. Ломоносов. Письмо Эйлеру от 5 июля 1748 г. Михаил Васильевич Ломоносов. Избранные произведения в 2-х томах. М., Наука, 1986.

игорный бизнес властями повсеместно ограничивается, а то и вовсе находится под запретом, двери «финансового казино» открыты для всех желающих, чтобы случайные успехи редких счастливых заражали азартом и вовлекали в игру многочисленных обреченных неудачников. В относительно стабильном выигрыше при этом могут оставаться только правящие элиты и их ближайшее окружение — поэтому для этой ограниченной части общества современная банковская система безоговорочно представляется наилучшей из всех возможных. А как быть с другой частью общества, составляющей абсолютное большинство? Насколько современная банковская система отвечает интересам обычных людей? Ответ на эти вопросы лежит в той же плоскости, что и ответ на более фундаментальный вопрос, служит ли человечеству во благо современная глобальная модель спекулятивного финансового капитализма. Установившийся с 1990-х гг. мировой экономический и политический порядок объективно потребовал банковского «дерегулирования», привел к изменению традиционных подходов к банковскому делу, о чем мы говорили в предыдущей части работы. Собственно говоря, без перестройки банковской системы создание новой экономической модели было бы невозможно. А вот хорош ли этот новый порядок или плох — это уже вопрос, скорее философского, поистине экзистенциального свойства, и люди будут отвечать на него по-разному в зависимости от своего мировоззрения, мироощущения, понимания цели и смысла жизни.

Если принять, что главная цель жизни людей сводится к неограниченному росту материального потребления и получению максимальных удовольствий, то и в этом случае нельзя считать доказанным преимущества современной экономической и банковской модели. Бесспорным локомотивом экономического роста 1990–2000 гг. можно признать очередной виток научно-технической революции (прежде всего, в области информационных технологий и телекоммуникаций). Эти достижения вне сферы экономики, финансов и банковского дела не только повысили стандарты потребления, но качественным образом изменили способы общения между людьми, получения ими информации и познания мира, преобразили нашу повседневную жизнь. Что касается ускорения процессов глобализации, то характер его влияния на долгосрочные перспективы экономического роста нельзя считать доказанным, окончательно установленным. С одной стороны, углубление международного разделения труда, создание и расширение региональных экономических и валютных союзов (например, ЕЭС и зоны евро), вовлечение в мировое капиталистическое хозяйство огромных материальных и людских ресурсов развивающихся стран, перенос значительной части

промышленной базы из наиболее богатых стран в «новые индустриальные» страны до сих пор способствовали ускорению экономического роста. С другой стороны, эти же процессы за последние 20–30 лет привели к накоплению таких финансовых дисбалансов и системных рисков, которые ставят устойчивость, долговременность достигнутых темпов роста под сомнение. Затянувшаяся эйфория с высокой степенью вероятности может закончиться последующим длительным периодом стагнации мировой экономики. А люди, которые не ставят главной целью своей жизни погоню за богатством, а пытаются достичь внутренней гармонии и гармонии с окружающим миром, строго придерживаясь определенных моральных и нравственных принципов, могут вообще не принимать современного капитализма, считать воцарившийся культ потребления и гедонизма дорогой к цивилизационной катастрофе, находить параллели между современным западным обществом и Римской империей времен упадка. Такие люди находят, что современный мировой экономический порядок и присущая ему банковская система способствует эрозии моральных и этических принципов в отношениях между людьми, развивает в них алчность и беспринципность, умножает социальную несправедливость.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Современная банковская система является неотъемлемой частью установившегося мирового экономического порядка, и абсолютно адекватна последнему. Кредитно-денежная, банковская надстройка и экономический фундамент не могут существовать раздельно, а составляют единую цельную конструкцию. Невозможно убрать тяжелую надстройку, не сдвинув фундамент, а демонтаж фундамента приводит к обрушению надстройки. Нынешняя система мироустройства диктует людям уклад жизни, во многом отрицающий традиционные ценности, которым общество следовало на протяжении предыдущих столетий, ставит перед нами серьезные моральные и нравственные вопросы бытийного значения. Наверное, поэтому профессиональная позиция экспертов по, казалось бы, техническим вопросам экономической, денежно-кредитной, банковской политики в конечном итоге определяется их общим мировоззрением и мироощущением, а профессиональные дискуссии зачастую напоминают религиозные диспуты, в ходе которых оппоненты не слышат друг друга. Ведь выбор предлагаемых инструментов экономической политики зависит от постановки целей, а целеполагание определяется шкалой человеческих ценностей, представлений людей о том, что такое хорошо и что такое плохо, что главное, а что второстепенное, что делать можно, а чего делать нельзя ни при каких обстоятельствах.

Никогда еще роль денег, их влияние и власть в обществе не достигала такого значения, такой силы, как в настоящее время. И автор должен, наконец, сбросить с себя маску беспристрастности и признаться, что нынешняя модель капитализма с ее гипертрофированным развитием спекулятивной финансовой надстройки ему совсем не импонирует. И это притом, что мои профессиональные навыки в этой системе мироустройства полностью востребованы, а мой труд щедро вознаграждается. Для объяснения моей позиции приведу случай из жизни, который наблюдал моей хороший знакомый во франкфуртском аэропорту. Двое русскоговорящих и очевидно не знакомых друг с другом мужчин сидели у стойки бара. Один из них после непродолжительного телефонного разговора с удовлетворением потерь руки и предложил соседу выпивку: «Я сейчас удачно одну сделку на бирже провернул, сто тысяч баксов заработал — угощаю». А второй так печально и задумчиво рассуждает: «А я вот лесозаготовками занимаюсь. Сотни мужиков с их семьями кормлю, а то бы спились уж давно — их жены на меня молятся. Сам с ними и в грязи топчусь, и сюда вот летаю лесом торговать. Только ты сто тысяч за пять минут срубил, а мне и за год столько не заработать». Это сцена наглядно иллюстрирует абсурдность, порочность складывающейся систе-

мы оценки труда людей, их вклада в жизнь общества. Мне бы очень не хотелось, чтобы в образе героя для моих внуков выступал успешный финансовый спекулянт — азартные игры на деньги еще никогда ни к чему хорошему людей не приводили. Порок есть порок, поэтому легализация и героизация глобального финансового казино, каковым является современная банковская система, ничем хорошим для человечества закончиться не может. Очень важно, чтобы специалисты были готовы, когда изменится политико-экономическая ситуация в России и в мире (а она обязательно изменится — ведь «все на свете объективно, оттого и жить противно»), не мешкая предложить профессиональные решения по построению модели денежно-кредитных отношений, адекватных новому общественному устройству. Будем держать порох сухим.

Подписано в печать 03.10.12
Формат бумаги 60x90 ¹/₁₆. Гарнитура «Newton7С», TextBookС»
Объем 5,11 усл. печ. л. Тираж 300 экз.
Издательство Агентство печати «Наука и образование»
105005, г. Москва, ул. Радио, 14
(499)265-65-03, www.rusacad.ru, info@rusacad.ru